

Евгений Лукин
**ГРЕХИ
НАШИ ТЯЖКИЕ**

З В Е З Д Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Евгений Юрьевич Лукин

Грехи наши тяжкие (сборник)

Серия «Звездный лабиринт (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21991850

Лукин, Евгений. Грехи наши тяжкие : [сборник] : АСТ; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-097479-5

Аннотация

Каждый раз, открывая очередной сборник Евгения Лукина, читатель предвкушает увлекательное путешествие в неизведанные миры. И путешествие тем интереснее, что миры эти находятся буквально на расстоянии вытянутой руки. Это наше вероятное будущее. Это наше гротескное настоящее.

Лукину, как никакому другому автору, удастся удивить и заинтересовать читателя с помощью обычной магии слова «если».

Что, если собрать в одном городе-государстве весь криминальный мир?

Что, если объявить беспощадную войну пришельцам из будущего и самому этому будущему?

Что, если гаджеты-шпионы проникнут в жизнь каждого человека и ни одну секунду частной жизни невозможно будет скрыть от окружающих?

Читайте – и переживайте вместе с автором.

Читайте – и задумывайтесь.

Читайте – и наслаждайтесь!

Содержание

Грехи наши тяжкие	6
Дело о причиндалах	30
Розыгрыш	46
Клопики	50
Из материала заказчика	82
Они тебя защитят	120
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Евгений Лукин

Грехи наши

тяжкие (сборник)

© Е.Ю. Лукин, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Грехи наши тяжкие

Вся розжа наруже.
В.И. Даль

Погожим майским утром в редакции культуры муниципального телевидения прозвучал телефонный звонок. Мстислав Оборышев снял трубку.

– Мстиша... – недовольным голосом известил Авенир Аркадьич. – Тут к тебе сейчас направляется... э-э... человек...

– Надо же! – не преминул съязвить ядовитый Оборышев. – Кого к нам только не заносит... И как мне с ним поступить?

– Н-ну... не знаю, – замялся Авенир, что вообще-то было ему не свойственно. – Выслушай... а там сам решай... Может, в курьёзы воткнёшь...

Похоже, несмотря на неусыпную бдительность железной Аси, в здание проник некто неадекватный. А по давней и тем не менее отвратительной традиции принято было сплавлять таковых либо в редакцию культуры, либо в редакцию науки. Это, конечно, в случае тихого помешательства. В случае буйного приглашали охранников.

Вскоре послышался деликатный стук в дверь.

– Войдите.

Вошёл незнакомец, при первом взгляде на которого Мстиша чуть отстранился и брезгливо прищурился. Красивые

мужчины вызывали в нём не меньшее омерзение, чем умные женщины. И то, и другое в понимании Оборышева являлось верхом неприличия.

Так вот, вошедший был неприлично хорош собой.

– Присаживайтесь, – справившись с неприязнью, проскрипел Мстиша. – И представьтесь заодно.

Тот поблагодарил и сел. Красавец. Хорошо хоть не красавчик – черты лица крупные, мужественные. Другая подробность, отчасти обелявшая пришельца в глазах Оборышева, – на диво небрежный прикид. Чувствовалось, что одёжку свою посетитель приобретал давно и явно не в бутиках.

– Вождедея, – сказал он.

Мстиша приподнял брови.

– Чего-чего делаешь?

– Вождедея, – виновато повторил тот. – Это моя фамилия. Егор Трофимович Вождедея. Вот... – Он достал и раскрыл паспорт.

Оборышев бросил беглый взгляд и вдруг, заинтересовавшись, взял документ в руки. Лицо на фото было то же самое, но отталкивающе безобразное. Надо полагать, Егор Трофимович расплачивался за свою вызывающую красоту полным отсутствием фотогеничности. Вспомнились строки Достоевского: «Фотографические снимки чрезвычайно редко выходят похожими, и это понятно: сам оригинал, то есть каждый из нас, чрезвычайно редко бывает похож на себя».

– Так что вы мне хотели сообщить, Егор Трофимович? – спросил Мстиша, возвращая паспорт владельцу.

– Мне надо выступить на телевидении, – сказал тот.

– По какому поводу?

– По поводу того, что со мной случилось... Это очень важно, поверьте...

– Верю. – Мстиша кивнул. – И что же с вами случилось?

– Вчера ночью, – известил пришелец, – мне был голос...

«Охрану, что ли, сразу вызвать? – вяло прикинул Мстиша. – Да нет, пожалуй, не стоит... Вроде смирный...»

– И по этому поводу вы хотите...

– Да.

– Это не так просто, как вам кажется, – с сожалением глядя на помешавшегося красавца, заметил Мстиша. – Вот вы говорите, голос. Чей голос?

– Н-ну... я полагаю... – Посетитель с трепетом взглянул в потолок, отчего стал ещё прекраснее.

– Вы верующий?

– Да, – истово сказал он. – С сегодняшнего дня. Точнее, со вчерашней ночи...

– И сразу направились к нам?

– Н-ну... как видите...

– А у батюшки были?

– У батюшки?..

– Вам был голос, – напомнил Мстиша. – Голос, насколько вы вас понял, принадлежал Богу... Так?

– Так.

– Логично было бы обратиться к специалисту... А вы сразу на телевидение. Что Он вам сказал, если не секрет? Открыл истину?

– Ну, в общем... Да. Открыл.

– И велел поведать её остальным? Урби, так сказать, эт орби? Градам и весям...

– Да. Велел.

– Ну и, естественно, – уже с откровенной скукой продолжал Мстиша, – именно вам предстоит стать во главе нового учения...

– Нет.

Оборышев моргнул.

– Как «нет»? – не поверил он.

– Так «нет». Просто сообщить – и всё...

Мстиша озадаченно потёр ладонью подбородок.

– Хорошо! Вы можете в двух словах изложить сейчас эту вашу истину?

– Конечно. Он сказал... – Прекрасные глаза пришельца слегка затуманились. – Отныне...

– Простите, – уточнил въедливый Мстиша. – Отныне – это когда?

– Ну... с того момента, как человек услышит от кого-нибудь... узнает...

– Понял. Извините, что перебил. Продолжайте.

– Отныне, – провозгласил новоявленный пророк, – телес-

ная красота будет соответствовать красоте духовной...

Мстиша Оборышев приоткрыл рот и медленно откинулся в потёртом своём полукресле, влюблённо глядя на посетителя. Ка-кая прелесть!

– А дайте-ка ещё раз паспорт!

Взял, раскрыл, вновь сличил лицо с фотографией.

– Таким я был несколько лет назад... – вроде бы застеснявшись, пояснил Егор Трофимович. – И вчера ещё был...

– К батюшке! – решительно сказал Мстиша и встал. – К батюшке, к батюшке, к батюшке! Всё настолько серьёзно, что без благословения иерархов я просто не имею права... Вот ваш паспорт, давайте пропуск, сейчас я его подпишу... А сами – срочно в церковь! Слышите? Срочно! Чем быстрее вы это сделаете, тем быстрее мы с вами выйдем в эфир...

– Да, но...

– Никаких «но», Егор Трофимович, никаких «но»! Жду вас с благословением от наших пастырей...

Мягко, но опять-таки решительно выставив обескураженного красавца за дверь, Мстиша выждал секунд двадцать и снял трубку.

– Ася?.. Это Оборышев. Редакция культуры... Знаю, что знаешь!.. Вожде-лею Егора Трофимовича... Это фамилия! Так вот, Вожде-лею Егора Трофимовича (он сейчас выйдет) больше на территорию не пускать! Ни при каких обстоятельствах! И сменщицам тоже передай... Вожде-лею Егор Трофимович. Вож-де-ле-я... Записала? Ну и славно...

Отдуваясь, бросил трубку, достал сигареты. Двинулся к двери (курить полагалось только снаружи, у чёрного хода), глянул мельком в зеркало – и чуть не споткнулся. Не веря глазам, подошёл поближе, всмотрелся. Вроде бы черты лица остались прежними, но... Нет, красавцем себя Мстиша никогда не считал. Да и никто его таковым не считал! Однако более гнусного отражения Оборышеву видеть ещё не доводилось.

Минуту, не меньше, он цепенел, глядя в собственные нагло-ватое-вручие глаза, затем уронил курительные принадлежности и снова кинулся к телефону.

– Ася?.. Ещё не выходил Вождея?.. Нет?! Всё отменяется, Ася! Верни его! Слышишь? Верни!

* * *

– Вызывали? – Надменная статная Акулина Истомина вторглась в кабинет Авенира Аркадьича без стука. Впрочем, подобным образом она вторгалась в любой кабинет, разве что за исключением председательского.

Поступью топ-модели, с презрительным видом вихляя челюстью, плечами и бёдрами, приблизилась к столу, затем скинула глаза – и приостановилась, слегка озадаченная.

– Сколько ж вы вчера выпили? – недоверчиво спросила она.

Мужчины (в кабинете их было двое) судорожно сглотну-

ли и переглянулись. Ну ладно, скукоженное личико Авенира Аркадьича и раньше состояло большей частью из морщин, в которых, казалось, гнездились все пороки мира, но вот Оборышев... Пару секунд Акулина зачарованно вникала в странно искажившиеся черты своего давнего друга и любовника, потом, словно бы в поисках эталона, перевела взгляд на висящий позади стола портрет.

По сравнению с коллегами Президент показался ей душевой.

– Тут, собственно... – проямлил наконец Авенир и беспомощно обернулся к Оборышеву. – Мстиша...

Тот шумно выдохнул и с силой отёр ладонью лицо, отчего оно, впрочем, ничуть не похорошело.

– Значит, так, – решительно сказал он. – Псих пришёл. Вот думаем, не воткнуть ли его в «загранку»...

– Ну и втыкайте. Я-то при чём?

– Посоветоваться хотели...

– Прости, не поняла. Что за псих?

– Боговидец, – напряжённо пояснил Оборышев. – Точнее, богослыщик. Утверждает, что с сегодняшнего числа внешность человека будет соответствовать его моральному облику...

При этих словах оба мужчины так и впились глазами в Акулину. Известие, однако, особого впечатления не произвело – скорчила пренебрежительную гримасу, вскинула плечи.

– Нет, господа, вы точно вчера перебрали! Какое я имею отношение к вашим психам?

– Что посоветуешь?

– Похмелиться, блин!

Мужчины сглотнули вновь. Было уже ясно, что гримаса, исковеркавшая черты надменной Акулины, останется с ней навсегда. Равно как и окривевшие плечи.

* * *

Узнав, что его собираются воткнуть именно в курьёзы (официально рубрика называлась «За гранью культуры»), Егор Трофимович Вождея несколько не обиделся.

– Это всё равно, – кротко молвил он. – Главное, чтобы слышали.

Справедливо рассудив, что терять ему уже нечего, краткую беседу с божьим человеком провёл перед камерой сам Мстислав Оборышев. Вопросы в основном задавал натушно-игривые, внутренне обмирая при мысли о том, как он с нынешней своей рожей будет смотреться на экране.

Акулина Истомина рыдала в гримёрной.

Переснимать не пришлось. Внезапно подурневшая Маня, ассистент режиссёра, дала отмашку – и дамский любимчик Рудик отнял от окуляра ошеломительно мерзкую харю прожжённого альфонса и сутенёра. Обезумевшим взглядом Мстиша Оборышев обвёл присутствующих. Каких-нибудь

пять минут назад все они выглядели вполне прилично, даже обаятельно. Теперь это была кунсткамера.

– Спасибо! – выпалил он, вскакивая. – У меня к вам, Егор Трофимович, ещё пара вопросов наедине... если позволите...

Выволок за рукав растерявшегося Вожделею в коридор, и следует сказать, очень вовремя, потому что из студии слышались уже первые вскрики.

– Так, – хрипло сказал Мстиша. – Вот ваш пропуск – и быстро на проходную!

– Но...

– Нигде не задерживайтесь! И вообще мой вам совет: на люди не показываться. Хотя бы пару дней... Да! Передача – в шесть тридцать по местному времени. Вообще-то в шесть ровно, но пока дело дойдёт до «загранки»... Шесть тридцать! Не пропустите...

Глаза его внезапно стали незрячи, и он снова оцепенел, представив, что стрясётся с телезрителями в эти самые шесть часов тридцать минут, когда истина безвозвратно уйдёт в эфир.

* * *

Домой Мстиша вернулся к восьми, изрядно выпив для храбрости. Несмотря на многочисленные заходы налево, жену свою он любил и со страхом гадал заранее, какая гарпия

предстанет его глазам. Внешность у Светы, следует заметить, была самая невзрачная: серая мышка, воробышек. Что же с ней будет теперь? Акулину-то вон как перекривило!

Ключ упорно не желал вставляться в прорезь замка. Наконец хозяйка, не выдержав, открыла дверь сама – и трудно даже сказать, кто из супругов был поражён в большей степени. Вне всякого сомнения, передачу Светлана посмотреть успела, ибо перед Мстишей возникла на пороге маленькая хрупкая женщина ангельской красоты. Оборышев протрезвел от ужаса. Он почувствовал себя раздетым донага. Все его обманы, измены и заначки были теперь оттиснуты на физиономии и в комментариях не нуждались.

Пауза длилась и длилась.

– Боже... – с жалостью глядя на мужа, выдохнула волшеб-но похорошевшая Света. – Бедняжка ты мой... Сколько же вам приходится врать на этом своём телевидении!..

Трудно сказать, откуда и зачем берутся на белом свете порядочные люди, если их появлению естественный отбор, мягко говоря, не способствует. Но вот берутся откуда-то и даже иногда умудряются дожить до совершеннолетия, а то и до преклонных лет, хотя одному богу известно, чего им это стоит. Порядочный человек – публичная пощёчина обществу. Своим поведением он как бы опускает окружающих, напоминая им о том, кто они такие. Думается, именно поэтому Христос завещал творить добро втихомолку и ни в коем случае не напоказ. Иначе пришибут.

Естественно, что, стоило схлынуть первому потрясению, Оборышев почувствовал себя оскорблённым. Нет, но как вам это понравится: опять он весь в экскрементах, а она вся в белом! А уж наивное восклицание Светы и вовсе уязвило до глубины души. К счастью, Мстише хватило ума обиды своей не выдать и покорно испить горькую чашу до дна.

Светлана утешала мужа весь вечер, так что в конце концов он чуть ли не сам уверовал, будто поразившее его безобразье вызвано скорее профессиональными, нежели бытовыми проступками.

На следующее утро позвонил Авениру, сказался больным. Телефон отключил. Пил и смотрел телевизор. Вчерашний сюжет муниципалка прокрутила трижды. В полдень благолепный Вождедя и неподобный Оборышев возникли в столичных новостях.

А ближе к вечеру за Мстишей пришли.

* * *

Визитёров пожаловало двое, оба в штатском. Судя по их обличью, с истиной они тоже ознакомились: у той страхолюдины, что повыше, были глаза маньяка и рот садиста; у той, что пониже и потолще, – жабья физия похабника и сластолюбца.

Слава богу, Светлана к тому времени ещё не вернулась с работы.

– Как же это вы? – посетовал маньяк и садист, устремляя на Оборышева ласковый взор и словно бы видя уже собеседника в пыточной камере. – Опытный вроде работник – и так подставились...

Голос его показался знакомым.

«Подставился?.. – жёлчно подумал Мстиша. – Нет, ребята, не подставился – это я вас всех подставил! А то что ж мне, одному пропадать?..»

– В суд на вас подают.

– Кто?

– Вам всех перечислить?

– А-а... по какой статье?

– Да мало ли! За нанесение ущерба деловой репутации, за причинение вреда здоровью, за оскорбление чувств верующих...

Похабник и сластолюбец помалкивал с матерным выражением лица. Садист продолжал:

– Где вы раскопали вообще этого вашего Вожделею?

– Нигде. Сам пришёл.

– Но кто-то же его к вам направил?

– Авенир Аркадьич. Порекомендовал воткнуть в курьёзы...

– Вот как? – Двое переглянулись. – Ну, с Авениром Аркадьичем разговор будет отдельный. А вот вы...

– А что я?

– Нет, но предварительную-то беседу вы с Вожделеей про-

водили? И что же, не заметили после этого изменений в собственной внешности?

– Знаете... в зеркало я смотрюсь редко...

– Не свисти! – неожиданно посоветовал похабник и сластолюбец. – В зеркало он не смотрится! А в гримёрке?

– Даже и в гримёрке! Нет, ну... заметил, конечно, что скверно выгляжу...

Заврался, запутался, приуныл.

– Шуму много? – спросил он в тоске.

– Не то слово! С двенадцати часов народ как с цепи сорвался. Уровень преступности в два раза сиганул...

– Почему? – Мстиша оторопел.

– Красивых бьют.

– За что?!

– За то, что красивые!

Судорожным движением Оборышев выхватил сотовый телефон, но был пойман за руку.

– Кому?

– Жене!

– Она что? Тоже...

– Да!

Хватка разжалась. Связаться со Светой, впрочем, не удалось – шли короткие гудки. Застонав, Мстиша спрятал сотик.

– Собирайтесь, – сказали ему.

– Куда?

– К ответу, – исторг садист, осквернив и без того циничную мордень кощунственной ухмылкой. – Крови вашей жаждут...

– Ну да, конечно... – окончательно угасая, горестно помыслил вслух Мстиша. – Политики... бизнесмены...

– Политики? Бизнесмены? – хмыкнул маньяк. – Бизнесмены – это ещё полбеда. Да и политики тоже: как были уроды – так уродами и остались. А вот жёны олигархов...

– Ох-х... – болезненно выдохнул Оборышев.

– Вот именно, – мрачно подтвердил собеседник.

* * *

Привезли Мстишу отнюдь не в полицию, как он ожидал, и даже не в ФСБ, а прямиком в областную Думу. В небольшом зале с идеологически выдержанной потолочной лепниной собрались жаждавшие крови Оборышева. Повесело картинами Босха, в частности – «Несением креста». Утешало лишь то, что за овальным столом не восседало ни единой разгневанной мегеры – сплошь мужской пол. Надо полагать, жёны олигархов, не решаясь теперь показаться в свет, взамен прислали своих адвокатов, мерзости чьих образин давно уже ничто не могло повредить.

– Вот, пожалуйста, – сказал конвоир, придерживая Мстишу за локоток. – Первый виновник, прошу любить и жаловать...

И началось беснование. Все вскинулись, все обрушились с угрозами, самой мягкой из которых было увольнение. Оборышев только успевал облизываться да озираться.

Наконец главный Квазимодо, подозрительно смахивавший на губернатора, треснул ладонью по столу – и всё смолкло.

– Как такое, понимаешь, могло случиться? – мёртвым голосом осведомился он в мёртвой же тишине.

Ну точно – губернатор.

Пришлось поведать историю с самого начала, по возможности перекладывая ответственность на плечи отсутствующего здесь Авенира Аркадьича. Поначалу Мстише казалось, что участников пандемониума, обсевших овальный стол, он видит впервые, однако мало-помалу из жутких личин начинали вытаивать знакомые черты. Вскоре он угадал почти всех. Элита. Побитый градом цвет общества.

– И как теперь, понимаешь, быть? – угрюмо осведомился главный Квазимодо, дослушав Оборышева.

Тот заискивающе улыбнулся и беспомощно развёл руками.

Губернатор засопел.

– Как шкодить, – ворчливо упрекнул он, – так все, понимаешь, горазды, а как отвечать, так, понимаешь... Что скажешь, Олег Аскольдыч?

И посмотрел на садиста и маньяка. Оборышев вздрогнул и тоже уставился. Олег Аскольдович? Ни-че-го себе! Вот это

его перековеркало...

– Я связался с нашей епархией, – сухо доложил тот. – Владыка тоже склоняется к мысли, что нас постигла Божья кара...

– Кого? Меня? – взревели за столом. – Ты за базаром-то – следи! Знаешь, сколько я на храм пожертвовал?

Взревевшего одёрнули.

– У меня создалось впечатление, – как ни в чём не бывало продолжал Олег Аскольдыч, – что владыка совершенно спокоен...

– Да я думаю! – фыркнули за столом. – Им-то чего беспокоиться? У них вон бороды от самых глаз – поди различи, что у них там под бородами!

Одёрнули и этого.

– Что касается учёной братии, тут полный разброд во мнениях. Психотропное оружие, гипнотическое внушение, кодовые слова... Ну и так далее.

– погоди, Олег Аскольдыч, погоди! А этот... Вождедея! Он-то сам что говорит?

– Ничего. В данный момент Егор Трофимович Вождедея находится в отделении реанимации. Больничный комплекс, травматология.

«Стало быть, всё-таки нарвался... – просквозила скорбная мысль. – А ведь предупреждал я его... Господи, лишь бы Светка убереглась!»

– Выживет?

– Врачи говорят, да. Состояние стабильно среднетяжёлое. Квазимодо издал приглушённый досадливый рык.

– А сам что думаешь?

– Думаю, независимо от того, что с нами случилось, ситуация необратима.

– То есть?

– То есть, хотим мы того, не хотим, а придётся приспособливаться к новым условиям.

Последовал новый взрыв возмущения – и глава областной администрации был вынужден повторно треснуть ладонью по столу.

– Ты это... понимаешь тут... Как тут приспособишься?

Прежде чем ответить, Олег Аскольдович впервые помедлил, должно быть, подбирая слова.

– Ситуация, по-видимому, необратима, – с невозмутимостью, за которой мерещилось извращённое удовольствие, повторил он. – Но не смертельна. Кстати, в прямом смысле. Пока у нас по области, слава богу, ни одного трупа. Для сравнения: в Москве их час назад было уже три.

– Да что вы нам тут про трупы?.. – вскипел очередной потерпевший. – Вот с этим что делать? С этим вот! – И он ткнул себя скрюченными пальцами в совершенно inferнальное мурло.

– Боюсь, тут уже ничего не поделаешь, – с сочувствием отвечал Олег Аскольдыч. – Независимо от рода деятельности грешить всё равно приходится, причём грешить профес-

сионально. Не будешь грешить – прогоришь. То есть каждый из нас сейчас перед выбором: либо стать красавцем, но без штанов, либо в штанах, но...

Договорить не дали – и последовало третье по счёту тресновение державной ладонью по столу.

– Предлагаю больше не упоминать о том, чего мы не в силах изменить, – выждав, сколько следует, вновь заговорил ужасный Олег Аскольдыч. – В конце концов, внешность – личное дело каждого. Главное сейчас – стабилизировать обстановку в городе. В частности, остановить самосуды. Силы полиции приведены в повышенную готовность, им даны соответствующие указания, думаю, порядок скоро будет восстановлен. Потенциальные жертвы берутся на учёт, их, кстати, не так и много...

– Да что она сейчас сможет, полиция? – усомнился некто особо монструозный. – Даже и фоторобота не составишь! А уж словесные портреты...

– Словесные портреты – прежние.

– Да ладно, бросьте...

– Прежние, прежние. Такие критерии, как красота и безобразие, в словесных портретах не учитываются... – Олег Аскольдыч приостановился, окинул взглядом собравшихся. – А теперь я прошу внимания. – В голосе его зазвучали властные нотки, и чудовища, порождённые сном разума, невольно притихли. – Я разделяю ваши чувства, но поймите наконец: то же самое происходит сейчас по всей стране.

Не исключено, что и во всём мире – ещё не уточнял. Конечно, можно найти крайних... – Он бросил взгляд на Мстишу. – Найти, публично высечь, но симпатичнее от этого никто из нас не станет. Я советую отнестись к случившемуся как к кризису, тем более что это и есть кризис... Собственно говоря, что произошло? Сменились критерии. Всего-навсего. Постарайтесь это понять, – мягко, как малым детям, толковывал Олег Аскольдыч. – Возьмите любую из нынешних фотомоделей. В позапрошлом веке (даже и в прошлом!) она бы нам показалась уродиной: костлявая, длинная, жердь жердью... Или, скажем, загар. Когда-то белизна кожи считалась первым признаком аристократизма. Теперь наоборот. Раз загорелый, значит, отдыхал где-нибудь на Гавайях...

Чудовища вида ужасного, напряжённо слушавшие оратора, ожили, переглянулись. И то ли движение это вышло у них как-то больно по-человечески, то ли испуг прошёл, но не такими уж и звероподобными показались они на сей раз Оборышеву. Секрет, должно быть, заключался в том, что не с кем их было сравнивать. А может, просто успел привыкнуть.

– Я полагаю, – закруглил неторопливую речь Олег Аскольдыч (он тоже не то чтобы похорошел, но хотя бы стал узнаваем), – всё рано или поздно утрясётся само собой. Но, поверьте, в наших интересах, чтобы утряслось как можно скорее. Стало быть, что? Стало быть, задействовать средства массовой информации: газеты, рекламу, телевидение – и помаленьку-полегоньку ориентировать население, какая именно

внешность в данный момент соответствует...

– Мы ж тут все разные... – осмелился возразить кто-то.

– Несущественно, – заверил Олег Аскольдыч. – Важно дать понять, что сейчас НЕ является нормой. Всё остальное – приветствуется...

Главный Квазимодо издал трубный носовой звук (присутствующие замерли) и страшно воззрился на Мстишу.

– Всё понял? – рявкнул он. – Иди работай. Приучай народ к своему рылу...

* * *

Когда отпущенный с миром Оборышев вернулся домой, давно стемнело. Света навстречу не вышла. Она сидела в кухне, уронив руки на скатерть, лицо – на руки. Заплаканный ангел.

– Ланочка... – Мстиша кинулся к жене, оторвал от стола, осмотрел лоб, скулы. Слава богу, ни синяка нигде, ни ссадины. – Ну что ты, родная, что ты?

Всхлипнула, утёрла слёзы.

– Мстиша... – покаянно призналась она. – Меня уволили...

Выдохнул с облегчением.

– Всего-то? Ну и чёрт с ними! Другую работу найдёшь...

– Не найду, – со страхом сказала Светлана, и ангельские глаза её вновь наполнились слезами. – В том-то и дело, что

не найду... Знаешь, за что меня?

– За что?

– За это! – И она, застонав, двинула себя кулачком в лицо, чудом не разбив свой очаровательно вздёрнутый носик. – Как увидели, как вскинулись... Директоршу позвали! Нам, говорят, амбициозные нужны, деловые... А не лошицы всякие...

– Кто?

– Лохи! Женского рода... Пошла к хирургу – там очередь...

– К какому хирургу?

– К пластическому...

– Ты что, дефективная?! – заорал Мстиша. Светлана вздрогнула. Спohватился, заворковал, оглаживая с нежностью ангельское личико: – Не вздумай... Даже не вздумай, Светка... Ты мне такая нужна, именно такая...

– Безработная? – с горечью спросила она.

– Да чёрт с ней, с работой! Выживем, Свет! Уж меня-то с моим рылом теперь точно не уволят... Сам губернатор сказал! – Запнулся, застигнутый внезапной мыслью. – А что за очередь у хирурга? Неужели...

– Да нет. Одни дуры богатые. Все в истерике. Чуть не побили...

– А что хирург? В смысле – ты его спрашивала?

– Говорит, бесполезно. Говорит, это как с отпечатками пальцев: сколько кожу с подушечек ни срежай, всё равно по-

том то же самое нарастёт...

– Почему он так уверен? У них же в практике подобных случаев не было!

Ангелочек шмыгнул носом, судорожно вздохнул.

– Не знаю... Может, просто отделаться хотел побыстрее...

Умолкла, поникла, должно быть, переживая заново сегоднешний день.

– Ну почему? – с болью произнесла она. – В чём виновата?

– В том-то и дело, что ни в чём, – угрюмо ответил муж.

– Господи, – растроганно сказала Света. – Какой ты у меня добрый... – Отстранилась, расширила глаза. – Слушай! А ты, по-моему, похорошел...

Мстиша содрогнулся.

– Упаси боже... – пробормотал он. – Только не сейчас!

* * *

Перед тем как отправиться на кухню и выпить свой утренний кофе, Оборышев долго стоял над супружеским ложем, всматриваясь в безгрешное личико спящей жены. Измученное. Прекрасное.

Бедные вы, бедные... Совестливые, застенчивые, беззащитные. Вам врут – и вы верите, вас предают – и вы прощаете. Даже имя ваше у вас отобрано: звание порядочных людей принадлежит теперь брюхоногой крутизне, разъезжающей на «Лексусах» и загорающей на Гавайях... Вроде бы

всё уже сделано, чтобы известить вас под корень, а теперь ещё и это...

Мстиша повернулся к зеркалу – и стало стыдно до судорог. Одно утешение: с сегодняшнего числа сия мордень – его хлеб, его рабочий инструмент.

Стиснув зубы, прошёл на кухню. Пока варил кофе, включил маленький плоский телевизор, убрав звук, чтобы не разбудить Светлану. Взглянул на экран – и чуть не обварился ползшей из джезвы пеной: по дорожке подиума, вихляя челюстью, плечами и бёдрами, стремительно шла Акулина Истомина. Отставил джезву, приблизился. Нет, не Акулина... Хотя очень похожа. Гримаса – один в один. И плечи кривые.

Выходит, прав был Олег Аскольдыч: во всём мире творится то же самое.

Ладно. Попью кофе и пойдём приучать народ к своему рылу...

В прихожей висело ещё одно зеркало. Не удержался – бросил взгляд. Да уж, хорош, нечего сказать.

– Охо-хонюшки... Грехи наши тяжкие...

Выбравшись на проспект, огляделся с затаённым страхом. Однако стесняться было некого: все такие, никто не краше. Оборышев повеселел и, с интересом рассматривая встречные хари, направился к трамвайному кольцу.

Внезапно внимание его привлёк мужчина, прижавшийся спиной к рекламной стойке. Мужчина был красив и бледен. Смятенный, растерянный, встретившись случайно взглядом

с кем-нибудь из прохожих страшилищ, он тут же прятал глаза. Блаженного не трогали. Похоже, обстановку в городе и впрямь удалось стабилизировать – неподалёку маячили двое полицейских, явно следя за тем, чтобы никто не обидел беднягу.

Мстиша крякнул, нахмурился, порылся в карманах и, подойдя, сунул убогому червонец.

Бакалда, июль 2013

Дело о причиндалах

Есть женичины в русских селеньях...
Н.А. Некрасов

Внешне она ничуть не напоминала персидскую княжну, однако, стоило познакомиться с ней поближе, возникало острое желание вывезти на стрежень и утопить, к едрене фене. На редкость самозабвенная особа – шла в бой за правду по любому поводу, невзирая на место, время и обстоятельства, причём, если не ошибаюсь, поражения не потерпела ни разу – возможно, потому, что в тактическом плане предпочитала всегда лобовую атаку.

– Кто поставил стакан на край стола? Глядеть надо, куда ставишь!

Это в том случае, если стакан был сшиблен её локтем. Если же, упаси боже, чьим-либо иным, а стакан на краешек поставила она сама, то виновнику влетало за растопыренные грабли, не промытые с утра глаза и отсутствие очков.

И не восклицала, обличая, а бубнила – вот что страшно-то! Обладай она азартом или даже темпераментом, возник бы шанс срезать, подсечь, поставить перед фактом. Однако, уродившись тормозом, та, о ком идёт речь, была неуязвима для аргументов – пропускала их большей частью мимо ушей и продолжала наступление с неотвратимостью асфаль-

того катка.

Помнится, в то роковое утро никто ещё ни в чём не про-
штрафился, но чувство собственной правоты требовало вы-
хода, и сослуживица наша обрушилась на некоего буржу-
ина, дошедшего в бесстыдстве своём до того, что дерзнул
воздвигнуть у входа на дачный участок двух позолоченных
львов, чем бросил вызов всем честным людям и ей лично.

– На пьедесталах! Перед воротами! Это что?! – с гнев-
ной занудливостью вопрошала она, оглядывая наш малень-
кий офис.

Надо было что-то отвечать.

– Прямо напротив? – посочувствовал кто-то.

– Напротив чего?

– Ну... дачи твоей...

– Да нет! Метрах в пятидесяти.

Сотрудники обменялись скорбными взглядами. Стало
быть, даже пятьдесят метров нельзя считать гарантией без-
опасности. Ладно, учтём.

– А львы – они как? Мальчики? Девочки? – любопыт-
ствовал мой друг Лёша Вострых – единственный человек,
умевший сбить правдоискательницу с панталыку.

Сбил. Замерла, припоминая. Так и не припомнила.

– Гривы у них есть? – дал наводку Лёша.

Вспомнила, ожила.

– Есть! Гривы есть...

– Значит, мальчики. Стоят, сидят?

– С-сидят... Нет! Стоят.

– Тогда просто, – сказал он. – Мазут в хозяйстве имеется?

– Мазут?..

– Можно битум, – позволил Лёша. – Или даже баллончик со спреем. Желательно чёрным. Тут, видишь, какая история... Стояли у нас перед театром до войны два гипсовых льва...

– Да они и сейчас там...

– Нет, это уже другие. Тем какой-то хулиган причиндалы дёгтем намазал. До войны белили, после войны белили – так до конца забелить и не смогли... Проступает дёготь – и всё тут! Новых ставить пришлось.

Тревожно задумалась.

– Но это же не побелка, – неуверенно возразила она. – Это позолота...

– Да, – с сожалением вынужден был признать он. – С позолотой сложнее. Сквозь позолоту никакой дёготь не проступит... Зато она дороже, позолота. Как им буржуин причиндалы по новой вызолотит, ты их опять баллончиком. Под покровом ночи, а? По-моему, выход.

При этом Лёша был настолько дружелюбен и серьёзен (да и мы внимали ему без улыбок), что заподозрить нас в издевательстве она просто не посмела. Во всяком случае, вслух.

Знай мы заранее, чем обернётся Лёшина попытка унять правдивые речи, заткнули бы ему рот и покорно выслушали всё, что нам этим утром причиталось. Увы, узреть воочию

будущее (хотя бы и ближайшее) не дано даже Ефиму Голокосту, нашему знаменитому земляку. Пока не дано. На той неделе его опять по телевизору показывали: если не врёт, прошлое он наблюдать уже научился.

* * *

Вошла – и резко остановилась, боднув воздух. Она всегда так ходила – стремительно, лбом вперёд, не поднимая взора. Пока в кого-нибудь не впишется. Мы, понятно, старались загодя убратся с её дороги, что, кстати, удавалось далеко не каждый раз. Идти с ней рядом было ещё опаснее: размахивала руками, словно бы разгребая окружающую действительность.

– Значит, чёрным спреем? – зловеще спросила она Лёшу. Тот удивился, снял очки, всмотрелся в её пышущее от возмущения лицо.

– Ты о чём, лапушка?

– О причиндалах!

– О чьих, прости, причиндалах?

– О львиных!

Вы не поверите, но кто-то в ночь с субботы на воскресенье под покровом темноты и вправду воплотил в жизнь преступный умысел Лёши Вострых, очернив из баллончика мужские достоинства обоих приворотных львов. Ничего, на мой взгляд, сверхъестественного – обычное совпадение мыс-

лей, вполне напрашивающийся поступок.

– Ты ж вроде радоваться должна!

– Радоваться? – Редкий случай – у правдоискательницы перехватило дыхание. – А на кого теперь подумают?

– Ну не на тебя же!

– Именно что на меня! Зачем ты это сделал? Тебя просили?

– Лапушка! – вскричал Лёша. – Да я даже не знаю, где твоя дача находится!

– Вот только врать не надо! Не знает он! Что ж они, сами почернели?

Мало-помалу, слово за слово, проступили подробности происшествия. Встал утром буржуин – глядь, а львы-то обещены! Позор на всю округу – уж лучше бы ворота дёгтем вымазали! Заказать пригрозил диверсанта.

– Минутку! – на свою беду вмешался я. – А почему обязательно Лёша? Он это предложил, согласен. Но нас-то здесь, кроме него, было пятеро. И каждый слышал...

Развернулась ко мне всем корпусом (иначе у неё не получалось), просверлила взглядом.

– Значит, ты?

– У меня – алиби, – поспешил откреститься я. – Кстати, у Лёши – тоже. В ночь с субботы на воскресенье мы с ним вместе пьянствовали...

– Ну, значит, вдвоём и...

– Да погоди ты! С чего ты вообще взяла, что подумают на

тебя? Ты что, разболтала кому-нибудь? На даче...

Запнулась, воззрилась в пустоту. Ну точно, разболтала.

– Нет, – решительно отрубила она. – Эти не могли.

– Кто?

– Соседи.

– А мы могли?

– Вы – могли.

К счастью, сотик, носимый ею на кожаном гайтане, даря нам с Лёшей отсрочку, заиграл нечто бравурное. Вышла.

Мы переглянулись. И начал до нас помаленьку доходить весь ужас сложившегося положения. Это ж вам не стакан, сбитый с краешка стола чьим-то неловким локтем, – это лвы, ещё и позолоченные! Съест ведь. Сгложет. Методично и неотступно изо дня в день будет долбить и долбить в одну точку, требовать чистосердечного признания, пока в наших замороченных головах не возникнет уличающе подробная картинка ночного кощунства, в котором мы затем и по-каемся.

По телефону она говорила довольно долго. Оробелая тишина стояла в офисе. Наконец хрупкая, похожая в профиль на сайгака Лина Эльбрусевна устремила на нас влажные выпуклые глаза и произнесла испуганным баском:

– Ребята... А в самом деле, зачем вы это сделали?

В ночь с субботы на воскресенье мы действительно – чем хотите поклянусь! – пьянствовали у Толи Чижики в связи с недавним отъездом его Людмилы на пару дней в санаторий. Собственно, пьянкой это можно было назвать лишь с большой натяжкой – так, мальчишник, посиделки бывших сокурсников. Болтали обо всём на свете, обсуждали мировые проблемы, ну и, как водится, не могли не схватиться по поводу знаменитого нашего земляка, изобретателя хроноскопа Ефима Голокоста. Лёша придерживался версии о жульнической сути его исследований, мы же с Толиком полагали, что он просто ненормальный.

Свалились под утро – скорее от утомления, нежели от выпитого.

Когда на исходе следующего дня я нагрянул к Толику на квартиру, та уже была приведена в исходное состояние и блистала чистотой. Нигде ни единой улики.

– Толик, – сказал я. – Ты не мог бы подтвердить, что мы всю ночь просидели у тебя и никуда не отлучались?

В глазах Толи Чижики засветились разом испуг и нездоровое любопытство.

– С ума сошёл? Людка завтра вернётся – башку оторвёт.

– А иначе нам с Лёшкой башку оторвут.

– А ему-то за что?

– А мне за что?

Толик заморгал.

– Н-ну... я думал, тебя Томка твоя к кому приревновала...

– Никто нас не при... не приревновывал! Алиби обеспечить.

– В полицию? – Толик замер.

– Если бы! Дуюу Дуюу знаешь?

Знал ли Толик Дуюу Дуюу? Ох, знал... Его Людмила, как, между прочим, и моя Тамарка, работали с ней когда-то в одной фирме (тесен мир) и до сих пор часто перемывали ей косточки. Дура. Прямая, как шпала. Живёт не ради радости, а ради принципа. Если вбила себе что-нибудь в голову – ничем не вышибешь. Потом неизбежно принимались жалеть. Бедняжка. Муж сбежал. От дочери из Питера – эсэмэска раз в полгода. Но что ни говори, а такие люди необходимы. Она и ответственная по подъезду, она и член дачного правления... Другая бы триста раз плюнула, рукой махнула, а эта – нет, эта не отступит. Да и в конце-то концов, должен же кто-то бороться за справедливость!

В принципе, с последним высказыванием я согласен. Кстати, с предыдущими – тоже. Единственная оговорка: пусть себе борется с кем угодно, лишь бы не со мной! Сдаюсь заранее...

Однако признать свою вину в данном случае означало попасть из огня в полымя: заказать нас буржуин, допустим, не закажет, а в суд подать может. Оно нам надо?

Забегая вперёд, скажу: я преклоняюсь перед Толей Чижиком. Сохранить юношеские идеалы до такой степени, чтобы ради старой дружбы, рискуя расположением супруги, во всеуслышание огласить правду, – это, признайтесь, не каждому дано.

Уламывал я его, не скрою, долго, но в итоге уломал. Назавтра выяснилось, зря я это сделал.

* * *

Недобрые предчувствия возникли у меня сразу же, стоило переступить порог офиса. Шелестели бумаги, шуршала клавиатура, за окном шла утренняя склока воробьёв. Правдоискательница безмолвствовала – победоносно и загадочно. Наконец разомкнула уста.

– Мне вчера звонил муж Людмилы, – скрипуче объявила она.

Шелест, шорох, чириканье – всё смолкло.

– Надо же! Дружка подговорили, чтобы он их отмазал, – как вам такое понравится?

– Дуня! – хрипло сказал я. – Толя Чижик – честнейший человек.

– Как же честнейший, если врёт? Нагло причём!

Умный Лёша помалкивал. А я сорвался:

– Сколько тебе свидетелей надо? Пять? Десять? А вот за-просто! Мы с Лёшей спиртное в угловом магазине брали –

знакомых полно...

– Знакомых... – хмыкнула она. – Эти уж точно подтвердят!

– И продавщицы подтвердят! Они нас там в лицо знают!

– Да я думаю...

– И было это перед самым закрытием! Как бы мы оттуда до твоей дачи добирались? Среди ночи! Тридцать километров от города...

– Вы же не знаете, где моя дача находится, – с холодным презрением напомнила она.

– Тогда – не знали! Теперь – знаем!

– Ой!.. – внезапно сказала Лина Эльбрусовна и с ошеломлённым видом взялась кончиками пальцев за крылья своего сайгачьего носа. Влажные, чуть выпуклые глаза выразительны как никогда.

Все повернулись к ней.

– Дуня... – виновато и растерянно призналась она. – А ведь они правду говорят. Я тоже в субботу видела, как они из этого магазина выходили... С покупками... В десятом часу...

Лина Эльбрусовна осеклась, но было поздно. Правдоискательница смотрела на неё с укоризной.

– Значит, и тебя уже обработать успели, – горестно подбила она итог. – Ну, Лина... От кого, от кого, а уж от...

Всё-таки удивительное это изобретение – сотовый телефон. Сколько раз он выручал меня в трудные мгновения!

Выручил и на этот раз. Услышав знакомую мелодию, сопровождаемую биением в нагрудном кармане, я извинился и поспешно вышел в коридор, чем спасся от грядущей разборки. Зато нарвался на другую. Звонил Толя Чижик, и был он близок к истерике.

– Да идите вы все! – захлёбываясь, кричал этот честнейший человек. – С вашими львами, с вашими... Людка вернулась – разговаривать со мной не хочет!

– Дунька стукнула? – упавшим голосом спросил я.

– А то кто же! Алиби им подавай!

– Господи, что же делать? – проскулил я.

– Что делать, что делать!.. К Голокосту обратиться – прошлое он уже наблюдать научился! – жёлчно посоветовал Толик.

* * *

Избитая фраза «В каждой шутке есть доля шутки» кажется мне излишне заболтанной и нуждается в сокращении. «В каждой шутке есть доля» – так, на мой взгляд, куда короче и точнее.

Доля ты наша, доля...

Дверь нам открыл Ефим Голокост – собственной персоной. Описывать подробно внешность самородка, думаю, не стоит – сами, чай, не раз по телевизору видели. Типичный выходец из Ура халдейского. Правда, был он на сей раз чем-

то сильно встревожен: глаза выпучены, шевелюра – дыбом, седеющая борода торчит клочками. Но это даже придавало ему импозантности: учёный-безумец в чистом виде. Или – бери выше! – кто-то из малых пророков.

– Ну я же сказал! – с болью в голосе произнёс он. – К вечеру всё демонтирую...

– Добрый вечер, Ефим Григорьевич...

– Ну хорошо! – вскричал он. – Не к вечеру – к ночи...

– Да мы, собственно...

Взгляд его переключался с каменного лица Дуни Дуевой на интеллигентного очкастого Лёшу.

– А! – с облегчением сказал Голокост. – Так вы не из полиции?

– Нет.

– Тогда пошли вон!

– Ефи-им Григорьич!..

Голокост был неумолим. Я хочу сказать, был бы неумолим, не прихвати мы с собой Дуню. Поначалу она собиралась хранить гордое молчание, но, услышав незаслуженное «пошли вон»...

Короче говоря, наш асфальтовый каток медленно развёл пары и двинулся на гениального изобретателя. В течение следующих пяти минут создатель хроноскопа только извинялся и оправдывался, выдавая с перепугу такое, что нам и не снилось. Оказывается, сегодня утром к Голокосту заявила полиция. Странно, что она не сделала этого раньше.

– Правда, – говорят, – прошлое видишь?

– Правда.

– Дай, – говорят, – посмотреть, кто племянника мэра замочил.

Дал. Посмотрели. Ужаснулись.

– Слышь, – говорят, – мужик! Если не хочешь неприятностей, демонтируй, на фиг, этот свой прибор – и чтоб никому ни словечка. Всё понял?

Голокост был понятлив от природы. Заверил, будто сегодня же всё демонтирует, а сам, как это свойственно высоким натурам, предался отчаянию.

Дальше ему оправдываться перед нами не пришлось: Дуню Дуеву развернуло на новую цель – и полетели на головы коррумпированных стражей порядка обвинения за обвинением, сопровождаемые точными указаниями, что надо сделать и в какие инстанции обратиться. Вплоть до канцелярии Президента.

Зачарованный гневным Дуниным занудством, Ефим Григорьевич слушал её с приоткрытым ртом. Было в ней, было всегда нечто гипнотическое.

Словом, когда мы изложили нашу просьбу, он беспрекословно провёл нас в свою скинию, где полез под кровать, извлёк оттуда бог весть что, два крупных неопрятных кристалла, этикие, знаете, урим и туммим, каковые и подключил к ноутбуку. Кажется, мы с Толиком ошибались, да и Лёша был не прав – насчёт Голокоста. Судя по тому, что замелькало на

мониторе, никакой он не жулик и уж тем более не псих. Ну разве что чуточку, как и подобает гению.

* * *

Однако вскоре чувство благоговения, с которым я следил за священнодействиями нашего знаменитого земляка, переросло в оторопь, а затем и в панику. Выходит, впервые в жизни по телевизору сказали правду... Опасливо наблюдал я со стороны, как выдающийся человек, следуя подсказкам Дуни Дуевой, определяется с координатами на местности – елозит «мышкой» по всему дачному посёлку. Не по какой-нибудь там компьютерной графике – по живому елозит! Кошмар: радиус действия хроноскопа был даже больше тридцати километров, на которые отстояла от города Дунина дача.

Полезли пугающие мысли о дальнейшей судьбе человечества. Видеть прошлое... Но это же страшно! Этого нельзя делать! Оставьте нам хоть что-нибудь тайное, Ефим Григорьевич, не выворачивайте нас наизнанку... Упаси боже, запустят ваш хроноскоп в производство, станет он обычной бытовой электроникой вроде компьютера – и... Тамарка со мной точно разведётся. А уж о судьбе Толи Чижика и помыслить жутко...

Права полиция! Слышь, мужик! Демонтируй! И чем быстрее, тем лучше... Хотя нет! (Я взял себя в руки.) Сначала пусть покажет, кто нас с Лёшей подставил, а там уже...

Тем временем выбрали точку наблюдения – аккурат напротив буржуинских ворот впритирку к противоположному забору. Изображение было зеленоватое, мерцающее, ночное, иногда разрываемое помехами неизвестного происхождения. Но гениталии обоих львов чернели весьма отчётливо.

К счастью, взгляд мой упал на заранее торжествующую Дуню – и панические мысли схлынули. Пододвинулся поближе к экрану.

Там уже выбирали время. Для начала Голокост кликнул ноль-ноль часов между прошлыми выходными – и причиндалы воссияли. Значит, рано. Назначили час ночи – то же самое. Два часа... Есть! Черны как смоль. Точнее – как спрей...

Стали ускоренно отматывать назад – и на мониторе обозначилось некое шевеление.

– Стоп! – сипло скомандовал кто-то из нас.

Мы впились глазами в неподвижный ноктюрн (ночь тогда, надо полагать, выдалась безветренная) – и ёкнуло сердчишко. Пригрезилось нечто невероятное, но от этого ничуть не менее ужасное: сейчас на экране, может быть, слева, а может, справа, покажемся, воровато озираясь, мы с Лёшей – и у каждого в руках по баллончику...

Лёша, как он признался позже, ожидал увидеть на экране саму Дуню.

Оба, как водится, промахнулись.

Я же говорил, что мысли у всех совпадают! Какой-то маль-

чишечка лет одиннадцати, по всему видать, местный Том Сойер, сноровисто обработал сначала одного льва, потом другого – и сгинул.

Несколько секунд все молчали.

– Вот... – с трагической ноткой в голосе промолвил наконец Ефим Григорьевич. – А они говорят: демонтируй...

Мы сдавленно поблагодарили нашего знаменитого земляка и, простившись, вышли в поздний августовский вечер. Горели фонари, шуршали акации, по асфальту гуляли смутные тени. Я украдкой покосился на Дуню Дую. В неверном ночном освещении лицо её показалось мне смущённым – и я понял вдруг, что она сейчас должна чувствовать. Первое поражение в борьбе за правду... Да это же катастрофа! А тут ещё вспомнилась читанная в интернете мультка о том, как с помощью гипноза вылечили некую тетеньку от склочности, вороватости, клеветничества, а та пошла и утопилась. И что-то стало мне совсем скверно. Не дай бог...

В молчании добрались до перекрёстка. Зажёгся красный. Дуня Дую очнулась, вздохнула и, словно бы дивясь испорченности нашего мира, покачала крупной своей головой.

– Ну, значит, и прошлое уже подделывать научились... – удручённо сказала она.

Бакалда, июль – август 2013

Розыгрыш

– А теперь попросим виновника торжества!

Испытывая сильнейшую неловкость, выхожу на сцену. Должно быть, вид у меня самый что ни на есть нелепый, поскольку зал отзывается одобрительным гулом.

Стою и озираюсь с глупейшей улыбкой.

Как же меня провели!

Потом замечаю, что на сцене я не один: шагах в пяти вышагивает девушка с букетом, и самодовольно жмурится ведущий.

– Надеюсь, вы на нас не в обиде? – дружески осведомляется он на весь зал.

В обиде ли я на них? А ведь пожалуй что и в обиде. Уж больно жесток был розыгрыш. Впрочем, столько во мне сейчас намешано взаимоисключающих чувств, что поди пойми, которое из них сильнее. Тут и досада на собственную доверчивость, и злость на устроителей, и счастье при мысли о том, что весь приключившийся со мной кошмар оказался не более чем шуткой.

– Вы действительно полагали, будто страна, в которой вы живёте, взяла вдруг и рухнула?

Зал освещён не менее ярко, чем сцена. Нахожу глазами актёра, исполнявшего роль Горбачёва. Он откидывается на спинку кресла и приветливо машет мне ладошкой.

– Да... – сипло признаюсь я.

– И вас не удивило, с какой лёгкостью это произошло?

– Удивило...

– И тем не менее вы ничего не заподозрили?

– Нет...

– Почему?

– Знаете... – В горле становится шершаво, я откашливаюсь. – Всё было так достоверно...

– Поаплодируем исполнителям! – восклицает ведущий – и публика отвечает рукоплесканиями.

– Ну хорошо, – продолжает он. – Девяностые годы! Танки палят по Белому дому... И неужели ни разу в ваше сердце не закралось сомнение в подлинности происходящего? Чтобы глава государства расстрелял из танков Парламент! Да и сама мысль, будто ведущую мировую державу может возглавить алкоголик, не отвечающий за собственные поступки...

Актёр, игравший Ельцина, с благодостной широкой улыбкой кивает мне синами из зала.

Я виновато развожу руками. Мне нечего сказать.

– Тогда поприветствуем тех, кто создавал эти замечательные спецэффекты! Танки! Выстрелы! Горящий Белый дом! Гром оваций.

– А люди? – дождавшись относительной тишины, укоризненно вопрошает ведущий. – Вы же знали их бог знает сколько времени! И вас не смутило, что ваши знакомые, вчерашние борцы с религией, словно по мановению волшебной

палочки, все как один стали ревностными православными? Все эти бывшие комсорги, парторги, преподаватели научно-го атеизма... Так бывает вообще?

– Своими глазами видел... – смущённо бормочу я.

В зале весёлый смех.

– Как же вы плохо думали об окружающих! – насмешили-во сетует ведущий. – Вы полагали, будто они и впрямь, дай им волю, способны разграбить родную страну, разорить своих лучших друзей, даже подсылать к ним наёмных убийц... Вслушайтесь! Сами термины: «обуть», «заказать», «развести»... Мы ведь нарочно подбирали самые нелепые, самые, извините, дурацкие глаголы. Мы ждали, что вы по меньшей мере насторожитесь! А вы приняли всё как должное...

Я готов провалиться сквозь настил – вроде пушкинского Дон Гуана.

– Аплодисменты сценаристам!

Аплодисменты.

– Вот в зале сидит ваша бывшая сокурсница, – слышу я патетический голос ведущего. – Вы её хоронили...

– В закрытом гробу... – сдавленно подтверждаю я.

– Да! – жёстко отзывается он. – Ну и как вам могло вообще прийти в голову, что найдётся человек, способный запытать её до смерти? За какие-то бриллианты!..

Светка сидит во втором ряду. Живёхонькая, рот до ушей, и показывает мне в восторге большой палец.

– Ваша простота приводила нас в отчаяние, – нарочито

трагически изрекает ведущий. — Я не знаю, кем нужно быть, чтобы поверить, будто, избавившись от надзора Советской власти, братские народы немедленно перессорятся. Мы инсценировали распрю русских с молдаванами из-за Приднестровья — и вы поверили! Потом распрю с Чечнёй! С Грузией! Вы и в это поверили... Тогда мы пошли на откровенный бред: стравили (якобы, разумеется, стравили!) русских с украинцами... Казалось бы, что может быть абсурднее! Но вы поверили и в это... — Он приостанавливается и, выдержав паузу, сухо, чуть ли не с брезгливостью приказывает помощнице: — Вручите ему букет!

Оркестр играет туш. В руках у меня оказывается огромный букет, заслоняющий ползала. Украдкой скашиваю глаз за кулисы, где теснятся радостно скалящиеся рабочие сцены, — и страшная мысль поражает внезапно мой разум.

А ведь при Советской власти не было таких телепрограмм!

Неужто всё это розыгрыш?!

02.06.2014

Клопики

Просыпаюсь, переворачиваюсь навзничь, и первое, на чём останавливается взгляд, – два «клопика» на потолке. Один – прямо надо мной, другой – поближе к люстре.

Свежие, тёмно-розовые. Минут через пятнадцать солятся с окружающим фоном, вылиняють, поблёкнут.

– С добрым утром, – приветствую их, потянувшись. – Милости просим в наши пенаты. Увлекательных зрелищ не обещаю, но...

Пришельцы безмолвствуют и вообще делают вид, будто сказанное к ним не относится. Выбираюсь из-под простыни, влезаю в тапки и в чём мать родила, не таясь, дефилирую в туалет. На косяке аккурат напротив унитаза расположился ещё один «клопик», побледнее. Должно быть, чуть раньше приполз. Чей же это, хотелось бы знать, десант? Кто вас, «клопики», ко мне запустил: соседка слева или соседка справа? Наверное, слева. Ту, что справа, голые мужики вроде бы уже интересоваться не должны.

– Ай-ай-ай... – укоризненно говорю я микроскопическому соглядатаю. – И не стыдно?

Воссевши на стульчак, запрокидываю голову, оглядываю чистые белёные углы. Удивительно, однако с некоторых пор (сами знаете, с каких) куда-то подевались пауки: то ли механическая мелюзга достала их радиоволнами, то ли самим

фактом своего присутствия. Соседка (та, что справа, пенсионерка) тревожится, говорит, будто паук – к деньгам, стало быть, отсутствие пауков – к безденежью. Мне бы её заботы!

Не знаю, кто окрестил «клопиков» «клопиками», но словцо настолько всем пришлось по вкусу, что официальное их название забыто напрочь. Кругленькие крохотульки, в неактивированном состоянии сохраняющие рубиновый оттенок, – конечно, «клопики». Вдобавок состоят в близком родстве с «жучками». Разница в чём? «Жучок» только подслушивает, а «клопик» ещё и подсматривает.

Дверной (точнее, бездверный) проём, разделяющий коридорчик и комнату, прорублен прежними владельцами квартиры чуть не до потолка и превращён в турник. Большое им за это спасибо!

Прежде чем стать на цыпочки и ухватиться за металлическую трубу, обметаю её веником, а то был уже случай: взялся не посмотрев и раздавил одного, причём с омерзительным влажным хрустом. Чёрт знает, из чего их делают: внутри что-то липкое и клейкое, как сироп.

Итак.

Веник – в угол, пять раз подтянуться прямым хватом, пять раз обратным, двадцать раз отжаться от пола на широко раскинутых руках, мельком взглянуть в зеркало и с удовлетворением отметить, что отразившийся там обнажённый мужчина молод не по годам. Рыло, правда, не новое, но тут уж ничего не попишешь.

Оба «клопика»-новосёла успели к тому времени порядком обесцветиться, хотя врождённой розоватости не утратили.

– А? – подмигиваю им. – Ничо смотрюсь?

Странно. С кем из ровесников ни поговори, все стоном стонут от их нашествия, а мне хоть бы хны. Приятно, знаете, тешить себя иллюзией, будто кому-то ты интересен. Раньше на что только не шёл человек, лишь бы привлечь внимание к собственной персоне: с крыш прыгал, в Интернете скандалил, врал о встречах с инопланетянами... Теперь это, на мой взгляд, лишние хлопоты. Готовишь ли ты яичницу из двух яиц, моешь ли посуду, слоняешься ли из угла в угол – всё под присмотром, причём неизвестно чьим. И почему бы, кстати, не предположить, будто в данный момент Ольга Марковна хмуро сидит перед монитором, оценивает под разными углами зрения нынешний рельеф моих грудных мышц и, чем чёрт не шутит, может, даже осознаёт с тоской, какой она была душой, подав на развод...

Когда-то по молодости лет я упорно пытался начать новую жизнь с понедельника. До обеда меня хватало, а дальше всё шло как раньше. Однажды осенило: а что, если начинать новую жизнь с утра? Ежедневно! И знаете, почти получилось: в течение месяца я жил до обеда по-новому, а после обеда по-старому. Потом надоело – махнул рукой и больше не рыпался.

А теперь вот появились «клопики».

Так что есть и от них какая-никакая, а польза. Не подглядывай они за мной, вряд ли бы я столь вызывающе вёл здоровый образ жизни, всем назло корячась по утрам на перекладине турника. Наконец-то в долгом списке моих привычек завелась хотя бы одна хорошая. Курить бы ещё бросить...

* * *

Раздаётся звонок в дверь. Накидываю халат, иду открывать. Соседка по этажу. Не та пенсионерка справа, что беспокоилась насчёт исчезновения пауков, – другая, бальзаковского возраста. Постбальзаковского. Та, что слева. Утренний марафет наведён, звёздчатые глазёнки гневно растопырены.

– Вы что себе позволяете!

– А что я себе позволяю?

– Нет, но как вам это нравится! – возмущённо взывает она к потолку прихожей, где, слившись с побелкой, наверняка притаились всё те же ползучие объективчики. – Расхаживает средь бела дня нагишом – и спрашивает!

– Вообще-то на мне халат.

– Сейчас – да!

– И это моя квартира. В чём хочу, в том расхаживаю.

– Ой... – презрительно кривится соседка. – Вот только не надо мне ля-ля... Зря стараетесь! Вы вообще не в моём вкусе. «Ничо смотрюсь?» – с ядовитым присвистом передразнивает она меня.

– Идите к чёрту, девушка, – миролюбиво предлагаю я. – И «клопиков» своих, если можно, прихватите...

– Моих?!

– Ну не моих же...

– Именно что ваших! – взрывается она. – Вы – эксгибиционист! Вы их сами по стенам рассаживаете!

Моргаю, шалею, потом начинаю хихикать самым неприличным образом – и никак не могу остановиться.

– На порносайт выложу... – злобно шипит соседка. Отступает на шаг и хлопает моей дверью, словно своею собственной. От сотрясения на голову мне с потолка падает «клопик»-переросток. Со стуком рикошетирует на пол, белый, как таблетка, шустро переворачивается и суетливо ползёт к стенке, до которой, между прочим, полметра. Подсадить, что ли? Нет, не стоит. Сам доберётся. И так вон уже меня из-за него в эксгибиционисты определили!

На порносайт выложит! Туда ещё поди пробейся – на порносайт... Не думаю, чтобы кого-либо привлекла такая скукотища, как утренняя гимнастика. Хотя бы и нагишом.

Я поворачиваюсь и в задумчивости иду в кухню готовить яичницу из двух яиц.

* * *

Та-ак... А куда же это, хотелось бы знать, запропала моя любименькая чугунная сковородочка? На конфорке нет, в

холодильнике тоже. Да и что ей там делать, в холодильнике? Наверняка стоит где-нибудь на виду, ухмыляется втихаря... И свалить, главное, не на кого – живу один: ни кошки, ни жены.

Для того чтобы предмет исчез, мне, как правило, достаточно его переложить или хотя бы передвинуть. Может, машинально засунул в сушилку для посуды? Тоже нет. Странно...

Податься некуда – врубаю компьютер, вызываю на плоский обширный экран общий план моей кухоньки, командую обновить картинку... Эх, сколько вас, оказывается, за ночь понаползло – весь монитор в красных метках, как из пульверизатора брызнули! А которые тут со вчерашнего дня шпионят? Ага... Стало быть, ты, ты и ты... Остальные либо новички, либо выбрали невыгодную для наблюдения позицию.

Ужинал я вчера поздно, часов этак в одиннадцать... Копирую коды нужных «клопиков», ввожу дату, время, прокручиваю отснятый материал... Стоп! Теперь помедленней. Ну конечно! Поставил вымытую сковородку на подоконник и накрыл тарелкой – попробуй угляди её теперь без современных технических средств...

* * *

Если хотите, облейте меня презрением, но нынешнюю власть я уважаю. По-настоящему мудрый правитель нико-

гда не станет делать того, что могут с успехом проделать сами подданные. Взять, скажем, Оруэлла с его Министерством Правды (или какое там у него министерство слежкой занималось?). Мало того что пришлось каждое помещение оснастить за казённый счёт телевизором с видеокамерой – к этой механике же ещё и штат наблюдателей нужен, и каждому наблюдателю, будь любезен, содержание обеспечить! Так, пожалуй, и по миру пойдёшь... То ли дело теперь! До сих пор не пойму, расценивать ли случившееся как свидетельство великого ума наших государственных мужей или же, напротив, полного отсутствия такового. Всего-то-навсего позволили ввозить «клопиков» беспошлинно, благо Китай и Америка у себя их запретили. А русского человека хлебом не корми – дай подглядеть, чем сосед занимается. В итоге ни копейки из бюджета не потрачено, а вся страна – под колпаком у всей страны.

Ох, какой, помню, поднялся визг в Парламенте, когда до самих наконец дошло, что они натворили! Однако поздно было визжать – уж больно крутые бабки закрутились. Всем пришлось приспособливаться: от домохозяйки до министра...

Сам я ни разу эту электронную мелюзгу никому не подпускал, и не потому, что сильно порядочный – скорее из экономии: зачем тратить, когда можно и к чужим объективам прицепиться? Вот и цепляюсь. Тем, кстати, и живу...

Размышления мои вновь прерывает дверной звонок. От-

правляю вымытую тарелку на проволочный стеллажик сушиться, иду к двери. На сей раз Мирон с третьего этажа. Седоватый клинышек бородки, торчащий почему-то не вниз, а вперёд, оскаленные кривые зубы, горестный вопрошающий взгляд сквозь большие старорежимные очки. В руке – непрозрачный пластиковый пакет с цилиндрическим содержимым. Не рановато ли?

– Трудишься или?.. – осведомляется он.

– Или. Проходи.

Мы проходим в кухню. Вернее, прохожу один я – Мирон обмер в дверном проёме.

– Да что ж ты опять делаешь! – болезненно охает он. – Где веник?

– Под турником. В углу.

Пакет бережно ставится на порожек кухни, а мой закадычный друг исчезает в коридорчике. Вернувшись во всеоружии, принимается обметать стены и потолок. Дробно сыплются белёсые «клопики», особенно хорошо различимые на тёмном ламинате. Всех их Мирон беспощадно сметает в любезно предложенный мною совок и топит в унитазе, не поленившись спустить воду три раза подряд.

– Ну вот, – удовлетворённо объявляет он, хищно оглядывая кухню, не затаился ли где ещё один механический свидетель. – Теперь Большой Брат тебя не видит.

– Он меня и раньше в упор не видел, – хмыкаю я, включая электрочайник. – Кому я, на фиг, нужен?

Мирон смотрит на меня с жалостливой гримаской.

– Наивный, ой наивный... – сетует он. – Видит он тебя, видит! Причём за твой же счёт...

– Ага, жди! – ухмыляюсь я. – За чей угодно, только не за мой. Ни разу эту дрянь не покупал...

– Вот именно! – Мирон таинственно округляет глаза. – Значит, подозрительная ты личность, если не покупал ни разу. За такими-то вот и следят... Ты пойми, – переходит он на жутковатый шёпот, – там... – Оглядевшись, воздевает палец к обезвреженному потолку. – Там наверняка списки уже составляются. Чёрные...

Воды в чайнике мало, вскоре он издаёт громкий щелчок. Мирон вздрагивает, ощерившись при этом ещё сильнее.

Смешной он человек. Родился в двадцатом веке – в нём и застрял. Иногда я спорю с Мироном, но этак, знаете, деликатно, без нажима, чтобы, боже упаси, ненароком не переубедить. Допусти он на миг, будто никакие спецслужбы его не пасут, смысл жизни окажется утрачен, а самооценка упадёт ниже государственного уровня. Нет, пусть уж и дальше воображает себя значимой фигурой.

– Чёрные, говоришь? – Я разливаю чай, открываю сахарницу, втыкаю в неё ложечку. – Слушай, а по какому принципу они составляются? Кто вообще в эти списки попадает? Тебе с лимоном?

– В том-то и штука, что неизвестно! Всё засекречено!.. Ты же знаешь, я с лимоном не пью, – добавляет он, запоздало

понижив голос.

– Да ладно тебе... Как ты теперь что засекретишь?

В принципе, я неплохо осведомлён, как и что можно засекретить в наши дни, но хочется соседушку поддразнить.

Мирон подсаживается к столу и, загадочно на меня глядя, размешивает ложечкой пустой чай.

– Сейчас покажу, – несколько даже угрожающе обещает он. – Взгляни-ка в пакете...

Я встаю, беру с порожка непрозрачный пластиковый пакет и достаю из него отнюдь не бутылку, как поначалу ожидалось, но серый цилиндр с сенсорной панелькой управления в торце. На невскрытой фабричной упаковке логотип фирмы «Цимицифуга». Постановщик помех. Он же «клопогон», он же «клоподав». Имеются у него и другие прозвища, но все они малоприличны.

– Вот так-то! – ликует Мирон. – Думают, они одни крутые! На Кремль выходил хоть раз? Или хотя бы на мэрию нашу? Глушат как хотят... А мы с тобой чем хуже?

– Тебе что, денег девать некуда?

– Левый, китайский, – с конспиративной оглядкой поясняет Мирон. – В два раза дешевле, только без гарантии. По знакомству предложили.

– А зачем тогда потолок обметал? Включил бы – и все дела. Проверил бы заодно...

– Да не решил ещё, – в тоске признаётся Мирон. – Братъ, не братъ?..

– Не братъ, – решительно говорю я.

Мирон поправляет старомодные свои очки и смотрит на меня с недоверием.

– Почему?

– А ты сам прикинь. Вот врубишь ты помехи. Ага, подумают! Значит, есть ему что скрывать...

Мирон цепенеет. Собственно, произнося слово «подумают», я имел в виду снедаемых любопытством обывателей, но он-то, параноик, наверняка решил, будто речь идёт о высших сферах и тайных канцеляриях, которые так и норовят внести его, Мирона, в чёрные списки.

– Тут же запрасят номер устройства, – со скукой продолжаю я. – А нету номера! Значит, пользуешься нелегальным оборудованием, из-под полы купленным... А кто таким оборудованием пользуется? Один криминалитет! В бизнесе-то и в политике всё зарегистрировано...

Дрогнувшей рукой Мирон снова принимается размешивать чай, хотя сахару в него он так и не положил.

– Ну и главное. Помехи-то не только на «клопиков» действуют. Вся твоя бытовая электроника тут же заглохнет: сотик, компьютер, стиральная машина. Легонько так, но заглохнет. Да ещё, не дай бог, у соседей та же хрень начнётся. Хорошо, если морду бить придут, а ну как сразу настучат? Оно тебе надо?

Мирон убит. Не допивши чаю, горестно благодарит за угощение, кладёт устройство в пакет и уходит в глубокой задум-

чивости.

* * *

Когда-то я работал репортёром. Существовало такое ремесло – основа журналистики, то бишь второй древнейшей профессии, четвёртой власти... и прочая-прочая-прочая. А потом стряслось с нами, неутомимыми поставщиками новостей, примерно то же, что и с литераторами: репортёром возомнил себя каждый.

Хотя почему возомнил? Скорее уж стал. Действительно, какой смысл посылать на место происхождения (да ещё и за счёт редакции!) специального корреспондента, если сенсация спустя каких-нибудь пять минут с момента её возникновения уже гуляет в Сети, и каждый может увидеть всё воочию и с любой точки!

Ни тебе командировок, ни зарплаты, никуда не нужно лететь сломя голову (всё равно опоздаешь) – сиди перед монитором, наудачу подключаясь то к одному «клопику», то к другому, пока не набредёшь на что-либо способное заинтриговать хотя бы крохотную часть почтеннейшей публики.

Разбиваю монитор на шесть окошек и запускаю поисковик. Система давно отлажена. Не в пример дилетантам, мечущимся от Камчатки до Экибастуза и остающимся в итоге ни с чем, я пасусь исключительно в нашем районе, поскольку свято уверен, что везде происходит одно и то же. Впрочем,

левый нижний экранчик у меня всегда в свободном поиске (вдруг повезёт!). Время от времени картинка исчезает, залитая серебристо-серым мерцанием, – стало быть, где-то врублен «клоподав». Он же – «клопомор». Иногда сквозь мельтешение искорок слабо проступают контуры людей и предметов. Видимо, работает объективчик последнего поколения, способный кое-как с помехами справляться.

Вот потому я и не советовал Мирону приобретать левак китайской сборки. «Клопики»-то ведь тоже совершенствуются, прогресс на месте не стоит...

Полупрозрачный серенький снегопад помех внезапно перечёркивается чёрным косым крестом, и поставленная неделю назад программа тут же переключается на другой канал. Стало быть, заподозрила, что с данной точки ведётся наблюдение некой силовой структурой. Ну и пусть себе ведётся. Государству я не конкурент.

Остальные пять прямоугольничков исправно выдают изображение вполне приличного качества. На правом верхнем занимаются любовью. Механический шпиончик расположился на потолке весьма удачно – как раз над койкой. Ничего интересного, но я на всякий случай даю увеличение и прибавляю звук. Очень вовремя. Женщина (она снизу) кричит, злорадно оскалясь, прямо в объектив:

– Смотри-смотри!.. Вот это мужик! Не то что ты, огрызок!..

Должно быть, тоже тешит себя надеждой, что бывший её

супруг скрежещет зубами перед монитором.

Машинально прерываю поиск, набираю код. Порнуха с крайнего правого экранчика исчезает, а взамен обозначается знакомая до боли спаленка. Сосредоточенная Ольга Марковна сидит за трельяжным столиком и хмуро вглядывается в экран, временами трогая клавиатуру. Что у неё там, хотелось бы знать? Перебираю все возможные углы зрения, но заглянуть через Оленькино плечо мне так и не удаётся.

Разочарованный, снова переключаюсь на поисковик.

Да-а... Не волна, даже не девятый вал – цунами разводов прокатилось пару лет назад по всей стране. Так потрянуло, что все скелеты в шкафах загремели. Забавно, однако распались в основном семьи, слывшие благополучными. Неблагополучные, в большинстве, убереглись. Наш с Марковной союз, как сами догадываетесь, многие знакомые считали идеальным.

Откуда угодно ждали катастрофы: из космоса, из-под земли – а она, тихая, будничная, взяла, да и пришла из магазинчиков бытовой электроники. Рождаемость, насколько я слышал, упала чуть ли не до нуля, да и как не упасть! Попробуй воспитай ребёнка, если ребёнок всё о тебе знает!

Кстати, о детях: дочурка наша (сейчас она, представьте, замужем) после развода родителей почему-то приняла папину сторону. Должно быть, тоже вышла на «клопиков» и такое о маме развела, что мои собственные похождения показались невинной шалостью. А я вот, дурак, так ничего на-

счёт Марковны и не выяснил – стоило тайному стать явным, растерялся, чуть не рехнулся от стыда и раскаяния, а когда опомнился – поздно, брат! Память-то у «клопиков» в те времена была коротенькая – с нынешней не сравнить, и до архивов ещё не додумались. Пропустил момент – ничего уже потом не восстановишь.

Так-то, господа правдолюбки: хотели прямоты во всём – получите и распишитесь. А уж кричали-то, кричали: нам скрывать нечего, вот они мы – все на виду! Теперь, надеюсь, прижухли...

А впрочем... Что это я? Не прижухли и никогда не прижухнут. Так уж устроен наш обывателиус вульгарис, полагающий главными своими достоинствами честность и правоту. За неимением иных достоинств.

– То есть как это ни в чём не виноват? – говоришь такому. – Вот же запись!

– Подделка!

– Да невозможно запись подделать!

– Значит, уже возможно!

– Ничего себе! Это, выходит, на всех пятнадцати «клопиках» подделка? Со всех ракурсов?

– Со всех!

Пена у рта – и ничего ему не докажешь. Все кругом виноваты, только не он. А потом будет рассказывать, что за правду пострадал.

Семейные скандалы стали своего рода искусством: всяк

работает на зрителя, причём вдохновенно, чувствуя себя как на подмостках. Иногда возникает подозрение, что об этом-то они всю жизнь и мечтали. Сам я мысленно разделяю наблюдаемых на «шпионов» и «актёров». «Шпионы» вечно таятся, лица – каменные, в глазах – испуг, каждое слово, каждый жест продуманы и осторожны. «Актёры» же (вроде меня) ощущают себя под приглядом вполне уютно, подмигивают «клопикам», заводят с ними беседы, часто преподнесшего содержания – и правильно: не подсматривай!

* * *

Внезапно что-то на среднем экранчике снизу привлекает моё внимание, хотя вроде бы ничего там особенного не происходит: запрокинул человек искажённое лицо и ораторствует прямо в объектив. Однако за два года ловли сюжетов чутьё у меня обострилось изрядно. Раздвигаю изображение в полный формат, включаю звук.

– Ты думаешь, ты первый? – с ненавистью, прожигая взглядом, обращается ко мне с экрана тот, кому я дал слово. За спиной его распахнутое настежь окно, в котором ни крыш, ни проводов – одно лишь синее небо. Должно быть, дело происходит примерно на уровне девятого этажа. – Ты не первый! Были и до тебя такие – покруче! Вот... – И оратор, задыхаясь, потрясает перед «клопиком» раскрытой книгой.

Библия. Плохо... Нынче ведь все политкорректные стали:

чуть коснётся дело религии – ни на один сайт такой сюжет не продашь. Однако типаж довольно странный. Кто он? «Актёр»? Да нет, скорее сорвавшийся с болтов «шпион». Бывает и такое...

– Доколе же Ты не оставишь, доколе не отойдёшь от меня, – взхлёб читает он с листа, – доколе не дашь мне проглотить слюну мою?..

Скучновато. Я уже готов убрать звук и уменьшить изображение, но что-то опять меня останавливает.

– ...ибо вот, – обессиленно выдыхает тот, на экране, – я лягу во прахе... завтра поищешь меня... и меня – нет...

Библия летит на стол, а её владелец, забравшись на подоконник, упирается раскинутыми руками в пластиковые стойки.

– Нету... – с нежностью сообщает он напоследок и вываливается наружу – в синее небо, спиной вперёд.

Надо бы ужаснуться, но счёт пошёл если не на секунды, то, во всяком случае, на минуты. Запрашиваю расположение всех «клопиков» – и тех, что в квартире, и тех, что на улице. Отслеживаю падение тела и даже (повезло!) момент удара об асфальт – на сайте его наверняка повторят несколько раз и непременно с нарастающим замедлением. Теперь посмотрим предысторию события. Речугу он, скорее всего, закатил огромную, просто я самый её кончик поймал. Тирада, разумеется, содержит выпады, оскорбляющие чувства верующих, но стричь её нет времени – сами вырежут, коли что не

так. Быстрее, быстрее! Опередить неведомых конкурентов, предложить материал хотя бы минут на десять раньше, чем прочие стервятники... И не забыть стукнуть в полицию.

Всё. Слепил. Можно отправлять. Ударив по клавише, откидываюсь на спинку кресла-вертушки – и жду. Душа моя полна скорби. Ну как, скажите, можно, не очерствев, выжить в подобном мире? И парень-то, главное, молодой ещё – лет тридцать на вид, если и старше, то ненамного...

Далее скорбь моя прорезается вспышкой радости – поступил ответ сразу с трёх сайтов: сообщение принято. Что ж, будем надеяться...

Выпить, что ли, за упокой души? Или нет... За упокой души – через девять дней. А пока асфальт ему пухом, прости мне, Господи, невольный цинизм. Я ведь, признаться, и сам пару лет назад по краешку ходил, прощальную записку обдумывал. А теперь вот даже и записки не надо: высказал всё, что накипело, ближайшему «клопику» – и в синеву... Спиной вперёд.

Клопики мы, клопики... С этой унылой мыслью я собираюсь уже принести спиртное, когда одно за другим приходят три сообщения подряд: отказ, отказ, отказ... А потом ещё и четвёртое в довесок – примерно того же содержания – из полицейского участка. Отшатываюсь и долго моргаю. Неве-роятно, но меня обставили... Вот ведь невезуха! Кто же это, интересно, такой шустрый?

Сейчас разберёмся. Двух минут мне хватает на то, что-

бы навести справки и выявить ошарашивающий факт: самоубийца собственной персоной – вот кто меня, оказывается, обскакал! Ну конечно, дал компьютеру прощальную команду подключиться к таким-то и таким-то «клопикам», после чего отправить отслеженный материал на такие-то и такие-то сайты. Денег он за это, понятно, не получил и не получит, зато до самого асфальта летел уверенный, что падение его в Лету не канет...

Ну и кто он после этого?

* * *

И всё же пару-тройку сюжетов нынешним утром мне продать удаётся. Не могу назвать улов обильным, но бывали и вовсе пустые дни, так что грех жаловаться. Прервёмся на ленч. Тем более все расползлись по офисам, а я в основном специализируюсь на чисто бытовых, домашних происшествиях. Платят за них поменьше, зато берут охотнее.

Трапезу прерывает тихая лирическая мелодия. Кто-то жаждет общения. Возвращаю к жизни ослепший монитор. Гляди-ка, дочурка проклюнулась! Вспомнила о биологическом отце... Вновь располагаюсь в кресле-вертушке, трогаю клавишу.

– Па, привет! А я смотрю, у тебя вроде перекур, ну и...

Удивительно тактичная девочка. Чтобы не отрывать папу от дел (или от чего другого), предварительно подглядела,

чем он занимается, а потом уже вышла на связь... Насколько всё-таки изменилось значение слова «такт»!

– Ничего не случилось?

– Не-а! Всё путём. А ты как? Денежку не подкинуть?

– Да нет, спасибо. Выкручиваюсь пока.

Мордашка, как всегда, развесёлая, я бы даже сказал, разудалая. Короткая каштановая стрижка, синий китель – или что там у них, у следователей?

Удачно она выбрала специальность. С оперативными работниками приключилось примерно то же, что и с нами, бедолагами, а вот судебный следователь – по-прежнему профессия востребованная. Кто-то же должен приводить в надлежащий вид бесчисленные видеоматериалы, поступающие от потерпевших! Тем более что далеко не все старые кадры сумели приспособиться к новой жизни.

Казалось бы, повсеместное подглядывание (а значит, и доношительство) должно было если не уничтожить, то хотя бы уменьшить преступность. Увы, ничего подобного!

– Я?! Утопил любовницу? Да вы что, с ума сошли? Она из лодки выпала, а я её спасал! Сам чуть не утоп!

– Запись свидетельствует, что вы её толкнули.

– Удержать хотел! Вижу – падает...

– Ну вот же ясно видно, как вы её толкаете.

– Нечаянно! Равновесие потерял...

Или взять крупные хищения. А то мы и раньше, до нашествия «клопиков», не знали, кто крадёт! Крал, крадёт и бу-

дет красть, откуда в высших эшелонах власти не дадут добро на возбуждение уголовного дела. А в частном порядке такого коррупционера не изобличишь, поскольку от нашего с вами любопытства подобные особи надёжно защищены «клоподавами», то бишь постановщиками помех (я про настоящие лицензионные устройства, а не про то китайское барахло, что приносил мне сегодня Мирон).

Опять же не будем забывать, что крадущий миллиарды в отличие от нас, клопиков, личность историческая. А к исторической личности и подход другой. К примеру, документы свидетельствуют: чем больше казнокрадствовали птенцы гнезда Петрова, тем храбрее и хладнокровнее дрались они на поле брани, тот же, скажем, Алексашка Меншиков под Полтавой. Так что попустительство властей вполне объяснимо. Выдающихся людей надо беречь: раз отважно ворует, значит, и родную державу защитит не менее отважно.

Словом, с крупными стяжателями – понятно. Но что помешало покончить с мелкой преступной сошкой, если «клопики» фиксируют каждую улику? Думаете, возможность истолковать любую запись в пользу обвиняемого? А вот и нет! Количество правонарушений. Половину страны пришлось бы взять под стражу, а кто будет брать? Где вы отыщете столько юристов и тюремщиков, чтобы учинить эту безумную акцию? Даже учитывая, что по меньшей мере треть бывших оперов спешно подалась в судебные исполнители, маловат контингент. Кое-какие преступления пришлось даже

срочно изъять из Уголовного Кодекса и объявить вполне законными деяниями, иначе бы суды просто захлебнулись. И всё равно бесконечная очередь дел, требующих рассмотрения, как я слышал, растёт и растёт, разбухает наподобие автомобильной пробки. И которому из них дать ход, решает следователь.

Дальше рассказывать, или сами всё сообразите?

– С мужем-то как живёшь? – не удержавшись, спрашиваю я.

– Включи да посмотри.

Надо же, как у них теперь с этим просто!

– Да нет, я о другом... Ты правда всё о нём знаешь?

– Всё знаю, – подтверждает она.

– А он о тебе?

– И он обо мне.

– Как же вы так живёте?!

– Да нормально...

– Оба такие честные?

Дочурка смотрит на меня изумлённо.

– Ну ты динозавр! – чуть ли не с восторгом говорит она.

* * *

Да, наверное, динозавр... Вымирать пора. Живу в чужом непривычном мире, прозрачном насквозь. Всё изменилось – не только Уголовный кодекс. Мораль стала иная – ка-

кая-то... чукотская, что ли?.. Насколько мне известно, обитатели Севера облачались в меха, лишь выбираясь из чума на мороз. А в чуме было жарко, в чуме они расхаживали телешом, ни друг друга не стесняясь, ни чад своих, на глазах у близких справляли нужду, новых детишек строга́ли. И что самое забавное: мораль-то у них при всём при том оставалась строгой, построже нашей. Просто нормы морали были другие.

Так что зря я над Мироном посмеиваюсь – сам такой же.

И с каждым днём жизнь вокруг становится непонятнее, невразумительнее. Сколько раз, увидев ужаснувшую меня сцену, я не мог её никому продать, потому что, как выяснялось впоследствии, ужасала она меня одного. То же самое и с преступлениями. Поди пойми: законно это теперь, незаконно? Я ж не специалист...

По тем же причинам и в бизнес нынешний не лезу – там чёрт ногу сломит. Избегаю шпионить за молодёжью – этих, похоже, вообще ничем не смутишь, по барабану им, подглядывают за ними или не подглядывают. Временами я даже задаюсь вопросом: а сохранилось ли у них в лексиконе само слово «стыд»? Наверное, сохранилось, просто неизвестно, что оно сейчас означает... Короче, объект моих наблюдений – такие же, как я, перестарки, безумно забавные своими потугами скрыться от бесчисленных взоров или же, напротив, выставить себя напоказ.

Не дай бог, повымрут раньше меня – на что жить буду?

Поговорив с дочуркой, извлекаю из ведра переполненный пакет, выхожу на площадку, спускаюсь к мусоропроводу. На обратном пути сталкиваюсь с той соседкой, что справа. Чем-то старушенция взволнована: морщины трясутся, глаза безумны.

– Скоро, говорят, электрический метеорит упадёт, – жалуется она.

– Как это – электрический?

– Не знаю. Говорят.

– И что будет?

– Все телефоны отключатся, все телевизоры...

– А «клопики»?

– И «клопики» тоже. Всё отключится.

– Так это ж замечательно! – бодро говорю я. – Будем жить, как раньше. Сами вон плакались, что следят за вами всё время...

Пенсионерка чуть отшатывается, даже морщины трястись перестали. Что за ней следить прекратят – чепуха, а вот что сама она ни за кем подсматривать не сможет... Беда.

У порога своей квартиры (дверь я оставил полуоткрытой) приостанавливаюсь. Рядом с лифтом на кафельном полу приютилась плоская вскрытая баночка, над которой время от времени мерещится белый парок. Подхожу поближе,

присаживаюсь на корточки, всматриваюсь. Так и есть: никакой это не парок – скорее пушинки, словно бы от одуванчика. Взмывают и, подхваченные сквозняком, втягиваются через дверную щель на мою территорию.

Да, вот он, прогресс в действии. Раньше «клопиков» продавали кассетами – уже взросленьких, каплевидных, а теперь, стало быть, в виде таких вот зародышей, способных перемещаться по воздуху, как паучки на паутинках. Прилепится, надо полагать, этакий путешественник к стенке или к потолку – ну и начнёт развиваться: глазик отрастит, лапки, передатчик...

И кто бы эту баночку сюда, интересно, подкинул? Пенсионерка вне подозрений, хотя и попалась навстречу, хотя и разговор отвлекающий завела... Вряд ли ей такая роскошь по карману. Значит, опять та, что слева.

Я возвращаюсь к себе и плотно прикрываю дверь. Хватит мне соглядатаев. Нет, я не против, милости просим, всех приму, но это, согласитесь, будет с моей стороны чистейшей воды эгоизм – надо же и другим хоть что-нибудь оставить. Да и лестничная площадка в присмотре нуждается.

Представляю, что за переполох поднимется (если уже не поднялся) во всех учреждениях – частных и государственных. Только-только оборудовали помещения герметичными дверями, а тут вдруг такая летучая гадость! Она ведь, наверное, и через вытяжки просочится, и через кондиционеры...

А собственно, что изменилось с тех недавних, но уже до-исторических пор? Да ничего, по сути. Кто попроще – перемывал косточки ближним на лавочке перед подъездом, кто поинтеллигентнее – за столиком в кафе. Потом занялись тем же самым в Интернете. Тем же занимаемся и нынче. Просто раньше сами подглядывали – теперь с помощью «клопиков».

Да и я тоже, если честно, каким был, таким остался. Ежедневно начинаю с утра новую жизнь. Часиков до двенадцати веду себя безукоризненно: отважно лезу на турник, учиняю уборку, прилежно работаю, добываю хлеб насущный. А после двенадцати – катись оно всё под гору...

Сейчас уже двенадцать тридцать. Откидываю спинку у кресла-вертушки, приношу из холодильника спиртное, закусь и, развалившись перед экраном, предаюсь куда более постыдному занятию, нежели утреннее любование собою в зеркале. Для начала ещё раз уточняю коды прописавшихся у меня «клопиков», после чего смотрю, кто и куда выложил подробности моей скудной интимной жизни.

На платных гадючниках, естественно, ничего, и, уж конечно же, ни намёка на порносайты. Удостоился лишь нашей подъездной «Завалинки». Кое-какие физиологические подробности обнародованы соседкой слева, кое-какие – соседкой справа, а кое-что, как ни странно, Мироном. Обита-

тели других этажей, судя по отсутствию отзывов, моими секретами не слишком интересуются. Обидно. А самое обидное, что Марковна не клюнула на меня ни разу. Дочка – да, дочка заходила, но, как уже вам известно, исключительно для того, чтобы выяснить, сильно ли папа занят.

Вот соседushка слева – та зафиксирована во всех видах, и виды, следует заметить, один откровенней другого. Готов поспорить, сама себя на сайт выкладывает... Остальным не до того – вторую неделю травят супружескую чету с шестого этажа, всё никак развести не могут.

Нет, пожалуй, я всё-таки «шпион», а никакой не «актёр». И развязность моя – напускная, и броня – тонюсенькая. Не зря говаривал классик: «Я бы никак не мог представить себе: что страшного и мучительного в том, что я во все десять лет каторги ни разу, ни одной минуты не буду один?» Каторжанин... Все мы теперь каторжане. Ни секунды себе не принадлежим, ни мгновения! Интересно, помнит ли кто-нибудь первоначальное значение слов «позор», «позорище»? Пребывание на виду у всех. Мудры были предки. Знали, чего бояться...

Хотя и потомки тоже мудры. По-своему. Если тебя никто не видит, приходится взнуздывать себя самому, а это, поверьте, занятие мучительное. Под надзором как-то оно полегче.

Но я-то динозавр! Для меня это пытка – постоянно держать круговую оборону, не расслабляясь ни на миг. Странно,

ей-богу... Никогда не бываю один – и вою от одиночества. Зато всю правду обо всех знаю... Ненавижу правду! Из-за неё я лишился работы, из-за неё расстался с Марковной, из-за неё обитаю в обшарпанной однокомнатке...

Что он там зачитывал перед тем, как вывалиться в окно? Что-то насчёт слюны... Бумажной Библии в доме нет, впрочем, с электронным её вариантом даже удобнее. Выхожу в Сеть, вызываю текст на экран. «Слюна» для Священного Писания слово редкое, так что нужный стих обнаруживается почти мгновенно. «Книга Иова». Ну да, конечно, Иов...

«Опротивела мне жизнь. Не вечно жить мне. Отступи от меня, ибо дни мои суета. Что такое человек, что Ты столько ценишь его и обращаешь на него внимание Твое, посещаешь его каждое утро, каждое мгновение испытываешь его?»

Ах, самоубийца-самоубийца, глаза твои суицижие, как же ты разворошил давнюю мою тоску...

В руке у меня непочатая рюмка водки. Глушу её единым махом, резко выдыхаю. Меланхолически закусив, наливаю ещё.

Будьте вы прокляты, придумавшие эту хренотень, и вы, позволившие продавать её на каждом углу...

Встаю, подхожу к подоконнику, гляжу вниз. Нет, ну с девятого этажа чего не прыгнуть? А у меня-то второй. Скорее искалечишься, чем убьёшься...

Возвращаюсь, наливаю третью.

Выпить её мне, правда, не удаётся. Кто-то истерически трезвонит в дверь. Потом начинает стучать кулаком. Что стряслось?

Поспешно встаю, открываю. Соседка слева. Мечта Бальзака. Ни слова не промолвив, толкает меня на косяк и устремляется в моё логово.

– Где?! – в ярости вопрошает она, неистово озираясь по углам.

– Кто?

– Он ещё спрашивает! – Её трясёт от бешенства. – Вы что творите? Вы думаете, вам и это с рук сойдёт?

Тут только я замечаю, что монитор мёртв. По тёмному экрану бегут редкие искорки. Бросаюсь к клавиатуре, пытаюсь воскресить. Бесполезно.

Соседка тем временем успевает осмотреть кухню, где, понятно, тоже ничего не обнаруживает. Появляется вновь.

– Где он?

– Вы о чём вообще?

– О «клоподаве»!

В голосе её, однако, прежней уверенности не слышно. Должно быть, мой очумелый вид красноречиво свидетельствует о полной невинности.

– Да нет... – растерянно бормочу я, всё ещё стуча паль-

цем по клавиатуре. – Какой «клоподав»? «Клоподав» помехи ставит, а это не помехи... Это, наверное, перегорело что-нибудь...

– И у меня тоже перегорело?

– Как? И у вас?

Смотрим друг на друга во все глаза.

– Господи! – говорю я, нервно смеясь. – Уж не электрический ли метеорит упал? Или закон против «клопиков» приняли?

И как-то, знаете, не по себе. А вдруг и впрямь что-нибудь этакое... Выйти бы в Сеть, выяснить, но как теперь выйдешь, если вся электроника приказала долго жить?

Зачем-то включаю и выключаю свет. Горит, естественно.

В приоткрытую входную дверь просовывается трясущееся обвислое лицо соседки справа.

– Упал, упал... – горестно кукует она. – Говорили, упадёт, – и упал...

И то ли от двух принятых подряд рюмок, то ли от её причитаний, но делается мне совсем жутко. Стою столбом. Представляю на миг, что нас, клопиков, ждёт в грядущем, – и озноб вдоль хребта! На что жить прикажете? Снова в репортёры? Снова беготня, командировки, начальство... Да и кто меня теперь в штат примет? В мои-то годы!

Затем приходит спасительная мысль: а что на других этажах? Вдруг только у нас такое? Отпихиваю старушеницу и, оставив дверь нараспашку, стремглав взбегаю на третий. Два

лестничных пролёта – дистанция короткая, но, пока я её одолеваю, в голове успевает прокрутиться череда жутких видений – хоть на продажу предлагай.

Мир без «клопиков»? Да это всё равно что ослепнуть! Я-то – ладно, а вот дочурке, дочурке-то каково придётся! Впрочем, следовательно – он и без «клопиков» не пропадёт. Двухногих завербует...

Звоню.

Дверь отворяет Мирон.

– У тебя электроника пашет?

Отвечает не сразу. Неспешно, с глубоким удовлетворением обнажает кривые зубы, что должно означать таинственную улыбку.

– Не-а...

Я всматриваюсь в его ликующее мурло, и всё становится ясно.

– Идиот!.. – хриплю я. – Говорили тебе, не врубай ничего китайского?

Глаза за толстыми линзами озадаченно моргают.

– А что такое?

– Да то, что тебя сейчас весь подъезд линчевать придёт!

– А почём им знать, что это я?

– Узнают! Ко мне вон уже приходили...

Мирон пугается и, втащив меня в прихожую, судорожно запирает дверь на два оборота. Кидается к столу, в центре которого, игриво помигивая сенсорной панелькой, стоит се-

рый цилиндрик. Руки у соседущки трясутся, так что устройство приходится отобрать. Выключаю на ощупь, засунув за пазуху, потому что «клопики» тут же прозреют и всё, гады, зафиксируют.

Просвечивающая сквозь ткань панелька гаснет. Вокруг начинает попискивать оживающая бытовая электроника.

– Уфф... – Я позволяю себе расслабиться. – Ну ты вредитель... И китаёзы твои тоже хороши! Он же, оказывается, не просто помехи ставит – он аппаратуру гасит... Додумались!

И нисходит на меня успокоение. Всё в порядке, господа, слава богу, всё в порядке... Можно жить дальше.

– Нагнал ты страху... – окончательно придя в себя, насмешливо говорю я Мирону. – Ладно, террорист. Пойдём ко мне, а то у меня там дверь не заперта. Выпьем заодно...

Февраль – март 2013

Из материала заказчика

Когда б вы знали, из какого сора...
А.А. Ахматова

– Хозяин... – позвали сзади.

Произнесено это было жалобно и с акцентом. Я обернулся. Как и предполагалось, глазам моим предстал удручённый жизнью выходец из Средней Азии: жилистый, худой, низкорослый и смуглый до черноты, смуглый даже по меркам Ашхабада, где прошли мои отрочество и юность. В те давние времена таких там именовали «чугунами», что, поверьте, звучит куда оскорбительнее, нежели «чучмек», ибо подчёркивает ещё и сельское происхождение именуемого. Городские – те посветлее. А этот будто прямиком с чабанской точки.

– Строить будем, хозяин?

– Из вашего материала? – понимающе уточнил я.

Неспроста уточнил. В отношении дешёвой рабсилы год выдался в определённом смысле переломный: очевидно, развал Советского Союза дошёл до мозгов не только у нас в России. Раньше мигрант был какой? Старорежимный. Маниакально добросовестный, почтительный, трудолюбивый. Аллаха боялся, начальства боялся. Здороваясь, к сердцу руку прикладывал. Не забуду, как один из Бухары, расчувствовав-

шись, поведал мне самое замечательное событие своей жизни: на спор вспахал непомерное количество гектаров за три дня. Причём спорил не он – о нём спорили.

– Хозяин говорит: «Вспашешь?» – вспоминал он чуть ли не со слезой умиления. – «Вспашу!» – «Два касемьсота. Бери любой». Посмотрел. «Этот», – говорю. Ночь не спал. Проверил, заправил, смазал. Утром выехал в поле, баранку поцеловал...

Баранку поцеловал! Вы вникните, вникните...

А нынче какой мигрант пошёл? Молодой, наглый, ничего не умеет и ничего не боится. Разве что миграционного контроля. Ходят голые до пояса, чего никогда себе не позволял дехканин старой выделки. «Строим из нашего матерьяла» – это у них кодовые слова такие. «А что строите?» – «Всё строим. Дома строим, заборы строим. Из нашего матерьяла...»

Соседка Лада Егоровна не устояла – согласилась на забор и калитку. Вроде бы дама опытная, всю жизнь экономистом проработала, а девятнадцать тысяч выдала на руки. Авансом. Теперь мимо Ладушкина дома я хожу с застывшим рылом, сомкнув зубы, чтобы не взгоготнуть, – обидеть боюсь хозяйку. Ржавеющая рабица уныло провисает меж мохнатых досок, кривовато вмурованных в цементный раствор, а уж калитка... Нет, словами этого не передашь. Это видеть надо.

То есть смысл моего уточнения вы поняли.

– Из вашего материала?

– Нет! – почему-то испугался «чугун». – Зачем из нашего?

Из твоего...

Мы стояли посреди узкой дачной улочки, выжигаемой по-слеполюденным солнцем. Я – в бермудах, шлёпанцах, ветровке на голое тело и с удочкой, он – в спецовке, клетчатой рубашке и пыльных ботинках. В руках какой-то инструмент.

– Да откуда ж у меня матерьял?

– Совсем нету? – огорчился он.

– Совсем. Один битый кирпич.

– Кирпич много?

– Битый, тебе говорят!

– Покажи.

Ну знаете! Я смотрел на него, озадаченно прикидывая, к какому из двух известных мне подвидов принадлежит данная особь. Судя по одежке и по взгляду – честный до наивности совок, а по прилипчивости – новый чурка. Из тех самых, что забор соседке сладили. Возраст... Возраст, скажем так, переходный. Ни то ни сё.

– Знаешь что? – сказал я наконец. – Вон там, через два участка, живёт Лада Егоровна. Забор у неё совсем худой. Поди спроси, может, захочет новый поставить...

Жестоко? Да, пожалуй. Но что-то разозлил он меня этим своим «покажи». Вот народ! Лишь бы на участок проникнуть! Впрочем, поблагодари он меня за добрый совет, я бы наверняка устыдился и остановил его, однако слов благодарности не прозвучало. Повернулся мой «чугун» и молча пошёл к Ладе Егоровне. Видимо, всё-таки из этих... из но-

вых... Ну, поделом ему.

* * *

Если человек, с детства равнодушный к рыбалке, тем не менее берёт удочку и идёт на пруд, значит, плохи его дела.

Мои дела были плохи. Ремесло, на которое я потратил жизнь, умирало. Издательства закрывались, а уцелевшие предлагали за рукопись сущие гроши. Тиражи падали. Редакторы причитали, что виной всему сетевое пиратство: стоит полиграфическому изделию появиться на прилавке, текст тут же отсканируют и выложат в Интернете. Книжек никто не покупает – какой смысл, если можно скачать и прочесть бесплатно? Возможно, так оно всё и обстояло, но я-то прекрасно сознавал, что главная беда не в этом. Всяк, кто был сегодня способен, по словам классика, «безобидным образом излагать смутность испытываемых им ощущений», внезапно обрёл право называть себя писателем.

Понабежало литературных чурок: ничего не умеют и ничего не боятся.

Как это ни печально, однако сочинительство вот-вот утратит статус профессии и превратится в общедоступную забаву. Вроде рыбалки.

Разлив этой весной ГЭС нам устроила долгий и обильный. По слухам, в озёра зашёл сазан. Уж не знаю, один он туда зашёл или с приятелями, но вдруг повезёт! Хотя вряд ли. Отец

у меня был рыбак, сын – рыбак, а на мне, видать, природа отдохнула.

Но теоретически подкован. Червяков выбирал острых, вёртких, красных. С белыми тупоконечными – лучше и не пытаться.

На подступах к пруду свирепствовала мошка. Она лезла в глаза и уши, набивалась в шевелюру, а в случае чего прикидывалась перхотью. Я побрызгался из баллончика с каким-то библейским названием (не то «Рефаим», не то «Рафаил»), воссел на мостках, наживил, забросил. Поплавок с придурковатым молодечеством замер по стойке «смирно» в ожидании дальнейших приказаний, а я вернулся к горестным своим раздумьям.

Такое впечатление, что переход беллетристики от ремесленной фазы к промышленной почти завершён. Забавно: стоило дать свободу слова, исчезла свобода мысли. Никто не хочет шевелить мозгами бесплатно – кого ни спроси, либо работают на заказ, либо участвуют в проектах. Что такое проект? Берутся деньги, берётся тема, нанимаются литераторы – и творят, что велено. Ещё и гордятся, если в проплаченную белиберду иной раз удастся протащить контрабандой что-нибудь своё, заветное, личное.

Подумать только, когда-то потешались над Северной Кореей: дескать, книжки бригадами пишут! А у нас теперь не так разве? Нет, кое-какие различия, понятно, имеются. Там работают за идею, тут – за бабло. У них честно печатают на

обложках: «Коллектив авторов номер такой-то» – у нас порой доходит до того, что на роль автора назначается супруга спонсора.

А куда прикажете податься тому, кто по старинке, прилагивая слово к слову, лепит нетленку?

А вот сюда, на пруд с удочкой.

Да-а... Что не удалось коммунизму, то удалось рынку.

Стержень поплавка дрогнул и покачнулся, но только потому, увы, что на него присела стрекоза. Должно быть, выбрала самый надёжный на пруду объект. Ось мира. Всё движется, она одна не шелохнётся.

Вот странно... У кого ж я это читал? У Ницше? Да, кажется, у Ницше. То, что раньше считалось жизненно необходимым занятием, становится со временем развлечением на досуге: охота, рыбалка... Даже продолжение рода.

А теперь, выходит, ещё и литература.

Противомоскитное зелье помаленьку выдыхалось, мошка нагнела, стрекоза на поплавке чувствовала себя вполне безмятежно. Могла бы, между прочим, и комарьём заняться... Наконец нервы мои не выдержали – я плюнул, встал, вытряхнул червей в пруд и принялся сматывать удочку.

* * *

– Хозяин...

Опять он. В тёмных глазах безработного мигранта мне по-

чудилась укоризна, и, представив, каких ему чертей с моей подачи выписала разгневанная Ладушка, я почувствовал угрызение совести.

– Не согласилась?

Он вздохнул.

– Нет. Очень сердитая. А забор правда совсем худой.

– Как тебя звать-то? – спросил я.

Зря. Спросил, как зовут, – почти что нанял.

Он встрепнулся.

– Боря зовут.

– Это по-нашему Боря. А по-вашему?

– По-нашему ты не выговоришь, – сокрушённо ответил он.

– Ну почему же? – с достоинством молвил я. – Я, можно сказать, и сам из Ашхабада...

Опять-таки зря! Земляков-то положено выручать. Но податься уже было некуда, и я продолжал:

– Чего там выговаривать? Если Боря, то, значит, или Берды, или Батыр, или Байрам... Верно?

– Нет, – с грустью сказал он. – Зови Боря.

Ну, Боря так Боря...

– Значит, так, – обрадовал я его. – Боря! Строить я ничего не собираюсь. Не на что. Денег нет.

– Деньги есть, – с надеждой заверил он. И полез в оттопыренный нагрудный карман своей клетчатой рубашки.

Движения его я не понял.

– Погоди! Ты чего хочешь?

– Строить хочу, – последовал истовый ответ.

Я потряхнул головой.

– Погоди! – с досадой повторил я. – Речь же не о твоих деньгах... О моих деньгах речь! Ты ж не собираешься строить бесплатно, правда?

– Зачем бесплатно? – залепетал он. – Я денег дам. Разрешу, хозяин...

– Что разреши?

– Строить разреши.

Одно из двух: либо передо мной сумасшедший, либо... А собственно, что либо-то? Не жулик же, он в самом-то деле, – жулики так глупо себя не ведут. Значит, сумасшедший...

– Знаешь что, Боря?... – вымолвил я, вновь обретая дар речи. – Иди-ка ты, Боря, на фиг!

Повернулся и пошёл к своей калитке.

* * *

Сумасшедший. Хорошее слово. Сразу всё объясняет, не объясняя притом ничего. Ненормальный – словцо поточнее. Вполне можно, согласитесь, сойти с ума, в то же время оставаясь в пределах общепринятой нормы. Тем более если вокруг сплошное сумасшествие.

А вокруг сумасшествие. Фантастика вторглась в быт и обесценилась как литературный приём. Стоит придумать

что-либо небывалое, тут же сопрут – и в жизнь! Экстрасенсы воруют, эзотерики воруют, наука нетрадиционной ориентации ворует... И немалые, надо полагать, денежки заколачивают.

Но гастарбайтер, пытающийся нанять работодателя, это что-то ещё неслыханное в мировой практике. Не знаю, как вы, а я на всякий случай предпочту держаться от таких гастарбайтеров подальше.

Запер калитку изнутри и удалился в дом с твёрдым намерением не показываться наружу в течение часа как минимум, пока этот чокнутый не найдёт себе новую жертву. Отправил снасти в угол, открыл холодильник, налил стопочку, сварганил бутерброд с варёной колбасой, подсел к столу, задумался, хмыкнул.

Воля ваша, а что-то с этим Борей изначально не так. Акцент, например. Какой-то он у него... смешанный, усреднённый. Городской. Примерно так изъяснялись в Ашхабаде, где обитало около сотни национальностей и наречия перемешались, как в Вавилоне.

Но какой же он горожанин? Хлопкороб хлопкоробом.

Я поднёс стопку к губам – и вдруг засмеялся. Сообразил наконец, что именно мне напомнило Борино поползновение всучить деньги. Попытку публикации за свой счёт. Смеялся я долго. Даже стопку отставил, чтобы не расплескать.

Потом приступ веселья прошёл, но настроение улучшилось.

«Ну и чего ты ноешь? – благодушно увещевал я сам себя, зажёвывая водку бутербродом. – Подумаешь, публиковать тебя перестали! Всю жизнь сочинял в своё удовольствие, да ещё и гонорары за это получал... У других вон и того не было».

Так-то оно так, но жить на что? Запасной профессии – нет, да и возраст поджигает. Немало лет, а дальше будет больше...

Умей я тачать романы из материала заказчика, жил бы сейчас припеваючи: гнал бы продолжение Мондые или Шванвича. Предлагали ведь, и не раз... Не умею. Могу, простите, живописать лишь то, чему был свидетелем сам, как это ни странно. Даже если действие у меня происходит на другой планете...

Взгляд мой упал на удочку в углу. Да. Когда рыбалка была ремеслом, а не развлечением, о подобной снасти и мечтать не приходилось. Раздвижной хлыст из чего-то там углеродистого, съёмная катушка с неестественно тонкой и прочной леской, стальные крючки... А когда человек шёл на ловлю ради жратвы, он брал дрын и дратву, а крючок выгибал из проволоки.

Интересно, какое ещё из так называемых серьёзных занятий станет забавой в будущем? Сельское хозяйство? Так давно уже вроде... Взять, к примеру, дачников. Та же Лада Егоровна – кто она? Фермер-любитель. Овощеводство... садоводство... Причём никакой прибыли – одни расходы.

А что на очереди? Политика? Бизнес? Армия? Вот это уже любопытно. Конгрессмен-любитель... Над этим стоит поразмыслить.

Тени за окном переместились, день клонился к вечеру. Надо полагать, ушёл мой Боренька. Другого заказчика побрёл искать.

Покинув дом, я направился по застеленной линолеумом дорожке к штакетнику. Отомкнул калитку, выглянул на всякий случай.

– Хозяин...

* * *

– Ну и что ты из этого сможешь построить?

Мы стояли над пыльным курганчиком обломков, оставшихся после уничтожения обвалившейся подсобки. Прежние владельцы участка когда-то хранили в ней дрова. Неповреждённых кирпичей в общей груде не наблюдалось.

Он поднял на меня тёмные, радостно вспыхнувшие глаза.

– Всё могу. Чего надо?

Я не выдержал и ухмыльнулся.

– Да мало ли чего мне надо! Ворота вон надо...

Он встревожился, огляделся.

– Железо есть?

– Ржавое.

– Покажи.

И двинулись мы с ним к сваленному неподалёку дачному металлолому, изрядно, как я и предупреждал, поглорданному коррозией. Там имелось всё: от дырявого ночного горшка до велосипедной рамы.

Восторгу Бори не было предела.

Разумеется, я совершил непростительную глупость, позволив этому этническому психу войти в калитку. Ну вот как его теперь выставишь такого!

Воздух за домом был накрест простёган мошкой. Отмахиваясь от мелкой летучей пакости сигаретой, я хмуро следил за тем, как нарастает идиотизм ситуации. Мой мигрант, не обращая внимания на кровососущих, суеился вокруг ржавых останков и с умным видом прикладывал инструмент то к замшелому ротору бывшего электромотора, то к половинке гигантской дверной петли. Измерял, что ли...

Кстати, об инструменте. Во-первых, понятия не имею, что это за штука. Во-вторых, мне казалось, будто сначала, когда мы сегодня с Борей встретились впервые, в руках у него было нечто иное: курбастенькое, отдалённо схожее со слесарными тисочками. А то, чем он в данный момент тыкал в мою ржавь, скорее напоминало цельнометаллический молоток, по короткой рукоятке которого за каким-то дьяволом шла крупная резьба.

Готов допустить, что это два разных устройства. Тогда где он таил второе? И куда дел первое?

На моё счастье, за штaketником слышалось фырчание

автомобильного мотора. Кажется, кто-то притормозил на-
против калитки.

– Ну ты пока здесь смотри давай... – барственно, как и
подобает владельцу имения, распорядился я. – Там ко мне
вроде прибыли...

И тронулся на звук, искренне надеясь, что, пока буду идти
до забора и обратно, авось соображу, как мне поступить с
неодолимым Борей.

Неужели всё-таки жулик? Тогда в чём смысл жульниче-
ства?

Вышел на улицу – и чуть не присвистнул от изумления.
Ай-ай-ай-ай-ай! Ну кто же так делает? Даже дети малые зна-
ют: нельзя возвращаться на место преступления.

Возле штакетника стояла обшарпанная «семёрка» с при-
цепом, из которой высаживались те самые башибузуки, что
всего за девятнадцать тысяч возвели уникальный забор, ми-
мо которого я теперь прохожу, стиснув зубы, чтобы не зар-
жать. Впрочем, в их оправдание следует сказать, что оста-
новились они, осмотрительно не доехав до участка Лады
Егоровны метров этак тридцать.

– Хозяин, строиться будем? Из нашего матерьяла...

– Ну-ка, поди сюда, – сказал я.

Старший басурман (лет двадцати на вид) почуял неладное
и на всякий случай отступил к открытой дверце «семёрки».

– Да ладно тебе! – пристыдил я его. – Подойди. Дело есть.
Поколебавшись, подошёл.

– Ваш? – спросил я, указывая в сторону дома, из-за которого очень кстати показался Боря, сосредоточенно высматривающий что-то под ногами.

Голый по пояс заборостроитель остолбенел. Смуглые щёки его стали пепельно-серыми.

– Нет! – хрипло выдохнул он. – Не наш.

Порывисто повернулся ко мне.

– Прогони его, хозяин!

– Почему?

– Плохой человек!

– Ты его знаешь?

Но тот уже метнулся за руль. Взволнованно каркнул что-то по-своему, дверцы захлопнулись – и «семёрка» рванула с места.

Вот это да!

* * *

В дачной улочке оседала белёсая пыль, а я всё смотрел во след бултыхающемуся по ухабам прицепу и пытался собраться с мыслями. Собственно, что мне удалось выяснить? Они с ним знакомы, и они его боятся. Тихого тронутого втирушу Борю... И ведь не просто боятся! Я вспомнил их искажённые лица за пыльными стёклами – и что-то стало мне зябко.

Плохой человек... Хотелось бы знать, что это означает в понимании проходимца, ободравшего на девятнадцать ты-

сяч Ладу Егоровну!

– Хозяин...

Я вздрогнул. Настолько был весь в себе, что даже не заметил, как он подошёл.

– Пойду я, хозяин... – смиренно доложил Боря.

– Ты ж вроде строить собирался! – вырвалось у меня.

– Нет, – вздохнул он. – Сейчас – нет. Ночью.

– Почему не днём?

– Днём заметят.

– Кто заметит?

– Заметят, – уклончиво повторил он.

– И что будет?

– Накажут.

– За что?

– За то, что строю...

Да-а, с ним точно не соскучишься.

– Так тебя уж заметили!

Удивился слегка. Но, кажется, не испугался.

– Кто?

Я объяснил. Боря наморщил низкий закоптело-коричневый лоб.

– Забор это они строили? – несколько отрывисто уточнил он.

– А то кто же! Они...

Сокрушённо покачал головой.

– Наказывать надо... – с упрёком молвил он.

В памяти немедленно всплыли искажённые смуглые лица в салоне «семёрки».

– Так ты их уже наказывал?

– Нет, – сказал он. – Других один раз наказывал.

Ни слова больше не прибавил – и пошёл.

– Постой! – ошеломлённо окликнул я его. – Ты куда? Мы ж с тобой ещё ни о чём не договорились!

Обернулся с детской обидой в глазах.

– Как не договорились? Договорились! Ты мне не платишь – я тебе не плачу. Ты мне разрешаешь строить ворота – я тебе строю ворота... Как не договорились?

* * *

С кем же я связался?

Будь он, допустим, аксакал вроде того тюрка из Бухары, который за три дня вспахал сколько-то там гектаров, это, конечно, пусть не всё, но хотя бы многое объяснило... при том, разумеется, условии, что молодые отморозки, разъезжающие на обшарпанной «семёрке» с прицепом, ещё почитают старших.

Однако Боря-то и сам довольно молод!

«Один раз наказывал...» Кого он мог наказать? Скорее уж таких, как он, наказывают...

Но ведь испугались же они его, чёрт возьми!

И что это за чушь с ночными сменами? Почему нель-

зя строить днём? «Заметят...» Кто заметит? Башибузуки, как видим, отпадают... Стало быть, приходится допустить наличие некоего смотрящего, чья обязанность – контролировать деятельность всех строителей-агарян на территории поймы...

Стоп! Опять чепуха получается. Если Боре запрещено строить, почему он так спокойно отнёсся к тому, что о его присутствии стало известно тем же башибузукам? Они же смотрящему стукнут!

А самое главное – наши с ним денежные взаиморасчёты. «Ты мне не платишь – я тебе не плачу». Пожалуй, самым, с моей стороны, разумным было бы временно отбросить версию о Борином сумасшествии. От сумасшедшего можно ожидать чего угодно, а меня это никак не устраивает. Мне бы, знаете, хотелось большей определённости.

Тогда прикинем возможный ущерб. В худшем случае ничего он не построит, а старые ворота сломает... Ну и шут с ними, с воротами! Они и сами скоро развалятся...

А вдруг наводчик? Прикидывается тронутым, а сам высматривает, как бы дачу ограбить... Да на здоровье! Дача у меня под стать воротам. Ноутбук я оставил в городе (за ненадобностью), а здесь единственный ценный предмет – подаренная сыном удочка.

За ветхой пластиковой сеткой распахнутых окон сгущался сумрак и безумствовала мошка. Я выцедил последнюю на сегодня стопочку, закусил, прислушался. Ни звука. Похоже,

наколел меня Боря. Может, оно и к лучшему...

Стоило так подумать, в дверь постучали.

– Хозяин...

Откинул крючок, открыл. Вошёл Боря, опять-таки держа в руках нечто странное. К тому времени я был уже не то что бы навеселе – во всяком случае, чувствовал себя достаточно раскованно, чтобы задавать прямые, а то и просто бестактные вопросы.

– Слушай, – сказал я. – Что это у тебя?

– Инструмент.

– Я понимаю. Как называется?

Он посмотрел на меня, словно бы усомнившись в моих умственных способностях.

– Инструмент, – с недоумением повторил он.

– Ну допустим. А что ты им делаешь?

Наверное, открыто пожать плечами показалось ему невежливым, но мысленно он ими, точно говорю, пожал.

– Так – шлифую, – объяснил он. – А так... – Боря что-то сдвинул, что-то вывернул, отчего агрегат преобразился полностью. – Так – режу...

– Надо же, что придумали! – подивился я. – Дорого стоит?

– Дорого... – с кряхтением признался он.

А я почему-то покосился на стоящую в углу собранную удочку. Как хотите, а было что-то общее в этих двух предметах. Ну понятно: цена, дизайн, способность к трансформации... И что-то ещё.

– Японская, чать? – любопытствовал я.

– Нет, – сказал Боря и, помявшись, добавил: – Работать надо, хозяин... Ночи короткие...

– Ну пошли! – бодро сказал я.

– Куда? – всполошился он.

– С тобой. Посмотреть хочу.

– Как ты будешь смотреть? Темно!

– А ты как?

Вместо ответа он достал и надел какие-то хитрые очки с круглыми сетчатыми стёклами. Должно быть, для ночного видения.

– А-а... если с фонариком?.. – заикнулся я.

Насупился мой Боренька, стал суров. Даже очки снял.

– Тогда не буду работать, – сердито сказал он. – Так не договаривались.

* * *

Всю ночь за домом шуршало, постукивало, временами шипело. Поначалу я то и дело вставал с постели и, пробравшись ощупью в заднюю комнатку, припадал к залатанной скотчем оконной сетке. Ночь, как назло, выпала безлунная, а свет Боря включать запретил. Увидят.

За окном пошевеливалась тьма, а рассеянное сияние уличного фонаря пролепляло только верхушку старой вербы у пруда.

Я лежал на спине, глядел в чёрный дощатый потолок и поражался тому, с какой лёгкостью мы подчиняемся любому абсурду и начинаем играть по его правилам. Ведь это же бред в чистом виде: помешанный, которого я впервые вижу, предлагает мне за свой счёт превратить кучу мусора в ворота, ничего не прося взамен, кроме права на труд в кромешной темноте, – и я соглашаюсь! И лежу, как дурак, в собственном доме, не смея включить свет!

Потом уснул, и приснилось мне, будто прихожу я в издательство и с ашхабадским акцентом прошу позволения что-нибудь сочинить, предлагаю деньги, канючу. Редактор смущается, опасливо поглядывает на дверь...

А ведь не исключено, что сон-то – вещий. Так оно и будет со временем.

Проснулся я, когда солнце уже встало. Тарахтели сороки, с некоторых пор занявшие нишу ворон, откочевавших в город, в пруду заходились лягушки. А вот производственных звуков из-за дома было что-то не слышать.

– Долго спишь... – с сожалением произнесли рядом.

Я взглянул. Возле печки на низком табурете, смирно сложив руки на коленях, сидел мой труженик. Входную дверь я на ночь оставил открытой – вряд ли меня пришибут во сне, если на задворках копошится работник. Разве что сам пристукнет.

– Доброе утро, Боря!

– Доброе утро, хозяин... Что у тебя там?

Я проследил, куда указывает натруженный коричневый палец. А указывал он на тесный закуток позади печки, где хранилась туго свёрнутая рвань старой маскировочной сети.

– Масксеть...

– Сеть? Чтобы сверху не видно было?

– Ну да...

– Нужная вещь, – одобрил Боря и встал. – Пошли смотреть.

– Неужто стоят ворота? – поразился я.

Он уставился непонимающе, потом насупился. Должно быть, принял сказанное за неумную и неуместную шутку.

– Нет, – недовольно отвернув нос, буркнул он. – Как за одну ночь ворота поставишь? Только ты оденься. Мошки много.

Одеваться я не стал – наскоро опрыскался «Рефаимом». Опрометчивое решение. Пространство за домом мерцало, и крохотным двукрылым было абсолютно всё равно, чем ты там намазался. Однако увиденное настолько меня потрясло, что я, не обращая внимания на немедленно последовавшую атаку с воздуха, шагнул к бывшей груде мусора. На обрывках старого рубероида сложены были конической горкой обточенные куски битого кирпича. Но теперь они скорее напоминали тёмно-розовые детские кубики или, точнее, фрагменты объёмной головоломки, каковые надлежит сложить воедино. Как же он всё это резал и шлифовал? И тот, и другой процесс, насколько мне известно, сопровождается визгом, скре-

жетом, снопами искр... Или я уже к тому времени дрых без задних ног?

Я нагнулся, подобрал пару наиболее простых по форме кирпичинок и попробовал совместить. Не совмещалось.

– Столбы будут, – удовлетворённо сообщил Боря.

– Н-ну, слушай... – только и смог вымолвить я.

Моя реакция пришлась ему по нраву.

– Пойду я, – известил он, явно гордясь собой.

– погоди! – оторопело сказал я, бережно возвращая оба произведения ювелирного искусства в общую пирамиду и судорожными обезьяньими движениями обирая мошку с голых плеч. – Может, позавтракаем вместе?

– Спасибо. Не хочу.

– Ну хоть чаю давай попьём!

От чая Боря отказаться не посмел.

В шкафчике, что на веранде (она же кухня), нашлись остатки зелёного «Ахмада». Там же отыскиались круглый фарфоровый чайник и две пиалушки. Заваривал я по-ашхабадски, со всеми церемониями, стремясь произвести впечатление. Но, похоже, изыски мои оставили умельца вполне равнодушным.

Сначала, как водится, пили в молчании.

– Послушай, Боря, – обратился я, выдержав приличную, на мой взгляд, паузу. – Ты сам-то не из Туркмении?

– Нет.

– А откуда?

Почему-то этот мой вопрос сильно его огорчил.

– Зачем откуда? – расстроенно проговорил он. – Тебе надо ворота. Я тебе делаю ворота. Зачем тебе откуда?

Мигом вспомнился незабвенный татарин Кербалай из чеховской «Дуэли»: «Ты поп, я мусульман, ты говоришь – кушать хочу, я даю...»

– Ну хорошо! – сказал я. – Но ты можешь мне хотя бы объяснить, за каким лешим ты строишь ворота бесплатно?

– У тебя денег нет.

– И что?!

– Нету, – с прискорбием повторил он.

Может, он из секты из какой-нибудь? Шиитской, суфийской... Бескорыстно творит добро... Кому? Иноверцам? Ох, сомнительно... Тем более что я даже и не иноверец – вообще неверующий.

– Где раньше деньги брал? – неожиданно спросил он.

– Кто? Я? Книжки сочинял.

– И тебе платили?

– Платили.

Он покачал головой – то ли осуждающе, то ли с уважением.

– Из своего матерьяла?

– Что из своего?

– Сочинял.

Я чуть не рассмеялся.

– Из своего.

– Из своего – просто, – после некоторого раздумья заметил он. – Идти надо...

– Боря, – позвал я. – А зачем тебе куда-то идти? У меня в той комнате ещё одна койка. Там и выспишься...

Он отставил пиалушку, поблагодарил, встал.

– Нет. Надо.

* * *

Проводив его, я вернулся на задворки и заново осмотрел всё, что он успел наворотить за ночь. Впечатляющая картина. Только как это потом состыковывать?

Огляделся и заметил кое-что ещё: рядышком с грудой металлолома лежали в траве две длинные трубы, которых я раньше не видел. Или видел, но тогда они были, наверное, грязные, ржавые, гнутые, теперь же выпрямились и воссияли. Очевидно, сердечники для будущих столбов.

А вот интересно: Боря к первому ко мне подошёл в нашем посёлке или уже кому-то что-то успел построить? Наверное, к первому – иначе бы он неминуемо потащил меня взглянуть на образчик своей работы.

В будни у нас тихо – все в городе, за исключением отпускников, пенсионеров и неприкаянных – вроде меня. Улочка пуста в обе стороны. Кое-какие признаки жизни наблюдаются лишь на участке Лады Егоровны: там над помидорными джунглями выдаётся тыльная часть хозяйки.

– Добрый день, Лада Егоровна!

Она выпрямляется. Голова у неё сравнительно с туловом, прямо скажем, мелковата. Личико сурово.

– Я что говорю-то, Лада Егоровна... – завожу я чисто дачную беседу, стараясь не покоситься всеу на кривые мохнатые доски опор и разлохматившуюся поверху ржавую рабицу, – опять к нам, смотрю, зачастили...

– Кто зачастил?

– Да строители эти...

Лада Егоровна прожигает меня взглядом и выкладывает разом всё, что она теперь думает о зодчих из Средней Азии.

Выслушиваю, скорбно кивая.

– Да вот, боюсь, повторил я вашу ошибку, – каюсь с кряхтением. – Тоже нанял – ворота строить. Борей зовут... Да он, по-моему, и к вам заходил.

Личико Ладушки смягчается. Приятно слышать, что ты не единственная дура на белом свете.

– Много запросил? – ревниво интересуется она.

– Н-ну... чуть меньше, чем ваши те... А вам он, кстати, как показался?

– Кто?

– Боря...

Ничего хорошего о Боре я от Лады Егоровны не услышал. Но и ничего конкретного тоже. Увы.

Ладно, побредём дальше.

Вскоре я достиг развилки. Посёлок кончился. Нигде ни

души. Впрочем, на крайнем участке ползла сама собой по дорожке перевёрнутая чугунная ванна, под которой, надо полагать, кто-то был. Постоял я на солнцепёке, поразмыслил. Дачник на распутье. Прямо пойдёшь – в магазин попадёшь, направо пойдёшь... Окинул оком окрестности и понял, что идти мне следует налево и только налево! Там метрах в пятидесяти от меня обосновалась на обочине приметная обшарпанная «семёрка» с прицепом. Капот был поднят, один из басмачей копался в моторе, двое других, опасливо озираясь, слонялись поодаль. Моё приближение, как и следовало ожидать, вызвало лёгкий переполох.

– Здорово, орлы! – приветствовал я их.

Насторожённо поздоровались.

– Значит, говоришь, плохой человек? – дружелюбно обратился я к старшему, будто прошлая наша с ним беседа и не прерывалась даже.

– Плохой! – запальчиво подтвердил тот.

– Откуда он вообще?

– Не знаю! Никто не знает!

– А что он тебе сделал плохого?

– Мне – ничего! Кургельды – сделал!

– И что же он сделал Кургельды?

– Напугал!

Услышавши такое, я, признаться, малость опешил. Как было сказано выше, кроме миграционного контроля, сыновья пустыни вообще ничего не боялись – по-моему, даже

суда Линча, если уж имели дерзость предлагать свои услуги после того, что сотворили у Лады Егоровны.

– Как напугал?

– Не знаю! Не видел!

– И что с ним теперь, с Кургельды?

Смуглое крепкое лицо нехристя скривилось в тоскливой гримасе.

– В психушку отвезли... – истончив голос, пожаловался он.

* * *

Возвращался я в ещё более тяжком раздумье. Представлялась мне совершенно сюрреалистическая сцена: мой тихий Боря оттопыривает себе обеими руками уши, корчит свирепую рожу и, угрожающе подавшись к Кургельды, глухо говорит: «Бу!...»

И того отвозят в психушку.

Главное, никто со мной не шутил. С чувством юмора у бригадира инородцев дело обстояло не просто плохо, а вообще никак. Я уже склонялся к предположению, будто Боря, при всех его странностях, тем не менее и есть тот самый смотрящий, перед которым здесь трепещут все племена. Однако в ходе беседы выяснилось, что смотрящим-то как раз был пугнутый им Кургельды.

Узнал о появлении строителя-чужака, поймал, велел уби-

раться со своей территории, пригрозил расправой – и...

Вот чёрт! Не хватало мне ещё для полного счастья влезть в разборки нелегалов-гастарбайтеров!

Как хотите, а размышлять о Боре теперь можно было или беря во внимание исключительно его деятельность на моём участке, или только то, что о нём понарасказывали соплеменники. Стоило сопоставить оба массива данных, получалась чепуха. Речь явно шла о двух разных людях.

И всё-таки об одном и том же!

Вновь достигнув развилки, я свернул в магазин, где приобрёл бутылку водки и баллончик от комарья (малый джентльменский набор), а заодно потолковал с продавщицей, знавшей в лицо и оседлых, и кочующих. Борю она припомнить не смогла.

– Не, мужики, я над вами в шоке! – сказала она. – Наймут – ни паспорта не спросят, ни кто такой, а потом бегают ищут, куда пропал...

Ожидая вечера, я весь извёлся. Ценой нешуточных умственных усилий мне кое-как удалось свести концы с концами. Допустим, бедолага Кургельды перед тем, как наехать на чужака, перебрал наркоты и во время исторической встречи плохо себя почувствовал. Вызвали ему «Скорую», а дальше поползли слухи...

Версия выглядела несколько натянуто, зато малость успокаивала. Отбросил я всю эту чертовщину и сосредоточился на том Боре, которого знал лично.

Что ж это за характер такой, если ему не лень обтачивать и шлифовать обломок за обломком? Бесплатно, учтите!

А впрочем... На себя посмотри! Вспомни: полгода корпел над повестью без единого иноязычного слова. Иноязычного – в смысле пришедшего с Запада (татарские и греческие заимствования – не в счёт). Напишешь, скажем, «поинтересовался» – тут же спохватишься: корень-то не русский – «интерес». Начинаешь искать исконное речение и в итоге меняешь на «полюбопытствовал».

Как-то раз в застолье рассказал об этих моих лексических вывертах одному коллеге – тот пришёл в ужас. Как?! Столько труда! Ради чего?! (Оказывается, прочёл – и ничего не заметил.)

Так что чья бы корова мычала!

* * *

Вечером пожаловал Боря. Вошёл, неодобрительно уставился на полуопорожнённую в процессе раздумий пол-литра. Разгоняя табачный дым, помахал свободной от инструмента рукой.

– Слушай, – брякнул я напрямик. – Что у тебя там стряслось с Кургельды?

Он наморщил лоб.

– Кто это?

– Ну тот, кого ты напугал.

Тёмное чело разгладилось.

– А-а... Местный...

Неплохо... Стало быть, Кургельды для него местный. А я тогда кто? И кто тогда те, от кого он прячется, работая по ночам?

– Боря! Ты вроде говорил, если заметят, что строишь, – накажут...

– Накажут.

– Как накажут?

Насупился, помолчал, но в конце концов ответил:

– Инструмент отберут. Новый покупать.

Ну это ещё по-божески... Хотя... Я взглянул на Борин агрегат и понял, что не прав. Изумительное устройство. Этакий, знаете, швейцарский армейский нож для строительных нужд. Жалко будет, если отберут.

– А кто отберёт?

На сей раз молчание тянулось дольше.

– Наши... – нехотя процедил он.

Спрашивать, кто такие наши и откуда они, смысла не имело. Спросишь – замкнётся, как в прошлый раз, когда я поинтересовался, не из Туркмении ли он родом.

– А почему ты ночью работаешь? Ладно, днём заметят. А ночью, выходит, не заметят?

– Ночью не следят, – успокоил он.

– Почему?

– Ночью спать надо.

– Но ты же ночью не спишь!

Никак не отреагировав на моё восклицание, он передёрнул что-то в своём универсальном инструменте.

– Хочешь подержать? – неожиданно предложил он.

– Хочу! – естественно, согласился я.

– На, держи... – Он протянул мне агрегат, в данный момент представлявший собой нечто вроде утюжка с выпуклой гладильной поверхностью.

– В левую возьми, – посоветовал он.

Я взял.

– А правую приложи.

Я приложил.

– Спасибо... – Он забрал у меня инструмент и двинулся к двери. На пороге приостановился.

– Столбы где ставить будем?

* * *

Новые столбы мы решили ставить, чуть отступя от старых в глубь участка. Дело в том, что прежние хозяева, воздвигая ворота, по доброй дачной традиции прихватили примерно полметра проезжей части. Не то чтобы я боялся проверки, просто чужого нам не надо. Тут со своим-то не знаешь, что делать...

Копошилась в мозгу соблазнительная мыслишка подкрасться под покровом ночи и хотя бы при свете звёзд под-

глядеть, как он работает, но выпито было, увы, многовато – и я заснул, стоило коснуться головой подушки.

А разбужен был с неслыханной бесцеремонностью: мой почтительный Боря на сей раз просто взял меня дрыхнувшего за плечо и тряхнул.

– А?.. – Я сел на койке, разом вырвавшись из утренних кошмаров, где со мной хотели разобраться смуглые соратники Кургельды, которого я будто бы напугал до полоумия, хотя на самом деле и в глаза-то никогда не видел.

Слава богу, наяву было всё спокойно. Судя по прозрачности голубовато-серого сумрака в забранном сеткой окне, снаружи только ещё светало. Так рано я обычно не встаю.

– Пошли, – сказал Боря.

Слегка одуревший, я безропотно влез в бермуды, напялил непроедаемую мошкой ветровку и кое-как выбрался из дому. Двинулся по привычке на задворки, но был остановлен.

– Куда идёшь? Ворота пошли смотреть.

После таких слов я проснулся окончательно и, подстрекаемый любопытством, устремился к штакетнику. Не дойдя шагов пятнадцати, остановился. Остолбенел. Потом медленно, чуть ли не с опаской подобрался поближе.

Попробую передать словами, что я там увидел. Представьте две кирпичные опоры квадратного сечения со скруглёнными углами, собранные, надо полагать, из обточенных вчера обломков. Собранные, учтите, с неукоснительным миллиметровым зазором, заполненным – нет, не цементом,

но неким благородно тусклым металлом. Впоследствии оба столба рассмотрены были в подробностях, но двух одинаковых фрагментов, клянусь вам, так и не нашлось. Серый ящеричный узор на гладком тёмно-розовом фоне смотрелся дьявольски эффектно.

Но главное, конечно, сами ворота. Или воротное полотнище, как говаривали в старину. От одной опоры до другой расплеснулось сплошное металлическое кружево, и такое ощущение, будто не сковано оно и не сварено, а отлито целиком, причём каждый его изгиб опять-таки не повторён ни разу.

Сказать, что я был поражён, – ничего не сказать.

– Почему не спросишь, как открыть? – послышался исполненный самодовольства голос Бори.

Действительно, металлическое плетение казалось вполне себе монолитным, и стыка между створками не наблюдалось.

– Как?.. – выдохнул я.

– Ближе подойди.

Я подошёл.

– Руку приложи.

В центре композиции наподобие паука в паутине располагался плоский, чуть выпуклый слиток размером с ладонь.

– Никто не откроет, – заверил Боря. – Только ты.

В ответ на робкое моё рукоприкладство створки и впрямь разомкнулись. Разведя обе воротины (открывались внутрь), я обнаружил за ними прежнее сооружение из позеленевшего от дождей штакетника, просевшее на ржавых петлях.

Собственно, оно и раньше хорошо просматривалось сквозь кружевное литьё, но Борин шедевр настолько приковывал взгляд, что всё прочее просто выпадало из поля зрения.

— А говорил, только из моего материала...

— Только из твоего, — подтвердил он. — Еле хватило. Пойди за дом, посмотри, если не веришь. Всё переплавил, ничего не осталось.

Небо тем временем бледнело, восток розовел. Недоверчивыми пальцами трогал я прохладный металл. Невозможно было представить, что ещё вчера он, сваленный как попало, ржавел на задворках.

— А знаешь, — задумчиво молвил Боря, — мне тоже нравится. Может быть, это лучшее из того, что я построил...

До меня наконец дошло, что он говорит без акцента. Похолодев, я повернулся к собеседнику. Нет, внешне Боря остался прежним, и всё же передо мной стоял совершенно другой человек: с закоптело-смуглого лица исчезла вечная озабоченность, изменились и осанка, и взгляд. Актёр вышел из образа.

На миг почудилось, будто достанет он сейчас из кармана марлевую тряпицу и примется устало стирать грим.

Я даже о воротах забыл.

— Так ты...

— Да, — не дослушав, ответил он. — Видишь ли, какое дело... Строить у нас нельзя. За это наказывают. И так всё застроено...

– У вас?!

– Да. У нас. А у вас тоже особо не развернёшься...

– Почему? – тупо спросил я. По хребту бежали мурашки.

– Заповедная зона. Вот и приходится браконьерить...

прикидываться...

– То есть... ты... на самом деле... не такой?

– Разумеется.

– А какой?

Забавно, однако при этом восклицании у меня у самого прорезался ашхабадский прононс. Должно быть, от потрясения.

Он разглядывал меня, как разглядывают котёнка.

– Показать?

– Покажи!

Он усмехнулся.

– Не покажу. Хватит с меня этого... Кургельды.

Внезапно озабоченность вернулась на его прокопчённое солнцем чело.

– Да! Главное! – несколько отрывисто предупредил он. – Днём ворота лучше чем-нибудь прикрывать. Заметят – уничтожат. У тебя там маскировочная сеть за печкой... Ну всё! Пора мне. А то на работу опоздаю.

– А кем ты работаешь? – еле выговорил я.

– А вот как раз слежу, чтобы никто из наших нигде ничего у вас не строил.

– То есть днём следишь, а ночью...

– Вот именно, – подтвердил он, шагнув за калитку.

Обернулся, помахал мозолистой рукой, и в тёмных его глазах мне почудилось лукавство.

– Прощай, хозяин...

* * *

Ах, сукин сын! Почти ведь убедил! Одного не учёл: нельзя показывать чудеса фокуснику и рассказывать о них фантасту. Пока он мне их показывал, всё шло гладко, а вот когда начал рассказывать...

Нет, но как вам такое понравится: накрой ворота маскировочной сетью, иначе инопланетяне сверху углядят! Предлагаю собственную физиономию, когда я это выслушивал...

Хороший актёр. Ей-богу, хороший! Минут пять, не меньше, я торчал там надолбой приворотной, прежде чем понял, в чём суть.

Меня развели!

Меня, циника-профессионала, не верящего ни в НЛО, ни в астрал, ни в масонский заговор, развели, как последнюю сязку!

Кто? Да телевидение – кому ж ещё! Какая-нибудь, я не знаю, программа «Розыгрыш»! Понатыкали скрытых камер, пригласили исполнителя, сунули ему в руки реквизит... Именно реквизит! Я что, видел этот его агрегат в действии?

Вот то-то и оно! Я вообще ничего не видел! Ночь была! А Боря запретил мне высовывать нос из дому... Что там происходило на задворках?.. Кстати, нетрудно представить. Пока один монтировщик под покровом темноты издавал шорохи, постукивания и прочее шипение, другие втихаря выносили мусор и укладывали на рубероид заранее обточенные обломки.

Ишь! Ладонку ему приложи! Как будто у них заранее от тиска не имелось! Кстати, нужно ещё проверить, только ли моей ладонкой открывается и закрывается вся эта музыка...

То же самое и с установкой. И створки, и столбы наверняка изготовлены были загодя, оставалось лишь подъехать ночью и собрать.

Потому что не может один человек сотворить такое!

Я ещё раз оглядел ворота – и ярость моя пошла на убыль. Хм... А знаете, за подобное произведение искусства можно и в дураках походить.

Смущали меня, однако, два соображения.

Первое. Строители-мигранты. Тоже актёры? Между прочим, испуг был ими разыгран весьма профессионально... Тогда как понимать забор, обошедшийся Ладе Егоровне в девятнадцать тысяч?

И второе. С чего бы это вдруг столичная программа выбрала в жертвы провинциального автора-фантаста, практически вышедшего в тираж? У них там что, в Москве, знаменитости кончились?

Чуть позже нашлось и третье. Как это они могли знать заранее, что мне понадобятся именно ворота, если я сказанул про них по наитию? То есть, получается, на изготовление ушло меньше двух дней. Такое возможно вообще?..

Но тут, прерывая судорожные мои рассуждения, сквозь листву тополя брызнуло восходящее солнце. Я подхватился и, пока не поздно, стремглав кинулся к дому – за маскировочной сетью.

На всякий случай.

Бакалда – Волгоград – Санкт-Петербург

Июнь 2013

Они тебя защитят

*Постигнете ли вы, приличные мерзавцы,
Шары бездарные в шикарных котелках,
Что сердце, видя вас, боялось разорваться,
Что вы ему внушали страх?!*

Игорь Северянин

– Ты! Прессованный! – хрипло сказали из темноты.

А он так надеялся благополучно миновать этот сгусток мрака у второго подъезда... Господи, взмолился он. Там же темно, там ничего не видно... Что тебе стоит, Господи! Помести туда двух миролюбивых алкашей... Сидят на лавочке, толкуют меж собой... и у кого-то из них кликуха Прессованный...

– Оглох?... Стоять!

Зря... Зря ты так, Господи...

Остановился. Заискивающе улыбнулся во мрак.

– Вы... мне?..

Омерзительный хриплый смешок, вылупившийся из тьмы, ничего доброго не сулил.

– Тебе-тебе...

Должно быть, там, во мраке, встали со скамьи и двинулись навстречу жертве, поскольку чернота у подъезда зашевелилась – и вдруг со звоном начала разбухать, поглощая поочерёдно семиэтажку, скудно освещённый двор, звёздное небо

над головой, а заодно и нравственный закон внутри обмякшего разом Никанора Вдовина.

«Может, оно и к лучшему... – беспомощно успел подумать он, оседая наземь. – Станут бить – ничего не почувствую...»

* * *

Будучи приведён в сознание, Никанор обнаружил, что сидит на скамье, что лампочка светит вовсю, а над ним склоняются два относительно молодых человека вполне интеллигентной наружности. Один держал руку на пульсе, другой внимательно смотрел в глаза.

– Вы в порядке?

– Да... – слабо отозвался потерпевший. – А где... эти...

– Какие?

– Понимаете... – сказал он. – На меня хотели напасть...

– Никто на вас не нападал, – хмуро ответил тот, что проверял наличие-отсутствие сердцебиения, и Никанор чуть не вздрогнул, услышав знакомую хрипотцу. – Вы позволите?

Молодой человек укрепил на запястье Никанора тоненько пискнувший браслет, достал плоский приборчик, включил.

– Однако! – подивился он. – Ничего себе реакция... Вы всегда такой нервный?

Возвращённый к жизни обиделся, снял браслет, вернул.

– Спасибо за помощь! – буркнул он и хотел встать.

– Погодите! – последовал приказ – и Вдовин замер, уразумев, что беды его ещё не кончились.

Молодые люди коротко посоветовались.

– Что скажешь? – обратился один к другому.

– Чуткий больно... – уклончиво отозвался тот. – Слишком хорошо – тоже нехорошо...

– На тебя не угодишь! – Хриплый спрятал аппаратуру и снова повернулся к Вдовину. – Тут за углом круглосуточное кафе. Вы не против, если мы зайдём туда и выпьем по чашечке кофе? Понимаете, у нас к вам деловое предложение...

«Сейчас похитят», – ахнуло внутри, и Никанор едва не потерял сознание вторично.

* * *

Не похитили. Действительно привели в кафе, однако сердчишко продолжало неистово колотиться. Было от чего. Расположились почему-то не в зальчике, а в чьём-то служебном кабинете, выглядевшем, следует сказать, довольно странно. Вместо плафона с невысокого потолка свешивался беспилотник с четырёх пропеллерах, да и на письменном столе тоже громоздилась какая-то загадочная машинерия. Это в кафе-то!

Пришла снулая девица с подносом, освободила от бумаг стеклянный журнальный столик, расставила чашки, вышла. Хриплоголосый (назвавшийся, кстати, Александром) под-

нялся и прикрыл за ней дверь поплотнее.

Стало совсем не по себе.

– Да вы пейте, пейте...

Может, отравить хотят? Нетвёрдой рукой Вдовин взял чашку с блюдца, поднёс к губам. Вроде капучино как капучино, среднего достоинства, никаких подозрительных привкусов.

– Часто вообще привязываются? – услышал он сочувственный вопрос.

– Вот... в прошлом месяце...

– И в позапрошлом тоже... – как бы про себя добавил Александр. – А что, если мы обеспечим вам охрану, Никанор Матвеевич?

Вдовин заморгал.

– На какие шиши? – вырвалось у него.

– На казённые, – невозмутимо прозвучало в ответ. – И позвольте перед вами извиниться. Честное слово, мы не думали, что дело дойдёт до обморока... Просто решили подстраховаться, проверить, тот ли вы человек, который нам нужен...

Господи, да уж не вербуют ли?

– Вам? – отважился переспросить Никанор. – Кому это – вам?

Александр замялся.

– Знаете, мне бы не хотелось упоминать конкретные имена и названия организаций... Раскручивается проект. Со-

лидный проект, круто проплаченный... Введи в курс, Виталий.

Сухопарый Виталий отставил чашку и возвёл глаза к потолку.

– Некая зарубежная фирма, – нарочито занудливо начал он, – разработала электронную систему индивидуальной защиты граждан от уличного криминала. Систему необходимо испытать в городских условиях. Требуется доброволец. Собственно... всё.

– Нет, не всё, – сердито поправил Александр. – Испытателью причитается денежное вознаграждение. Ежемесячно. Не ахти какое, но тем не менее...

– И вы хотите... чтобы я...

– Да, Никанор Матвеевич. Именно этого мы и хотим.

Вдовин был удивлён, обрадован и, пожалуй, польщён. Потом насторожился вновь.

– А-а... что от меня...

– Ничего. Живите как жили. Просто теперь вы будете под защитой.

– А-а... каким образом...

– Значит, как работает система, – сказал сухопарый Виталий. – На запястье вам надевают браслет. С виду часы и часы... Ну, тот самый, что мы уже вам примеряли. Противударный, водонепроницаемый. Можете в нём купаться, нырять, кувыркаться... Правда, сами вы снять его уже не сможете...

– Вообще? – испугался Вдовин.

– Пока не будет расторгнут контракт, – уточнил Виталий. – Вот, допустим, выходите вы из дому. Браслет тут же даёт об этом знать – и над районом взлетает беспилотник. Ваш телохранитель. Или, если хотите, ангел-хранитель...

Вдовин опасливо покосился на то, что свисало с потолка.

– Нет, не этот. Это вообще макет... Короче, каждый ваш шаг отслеживается сверху. Данные поступают в компьютер, программа оценивает ситуацию...

– А браслет?

– А браслет считывает и передаёт наверх данные о вашем самочувствии. Вот вы попали в переделку. Учащается пульс, прыгает уровень адреналина... Ну и система срабатывает.

– Как... срабатывает? – еле выговорил Вдовин.

Виталий достал и предъявил блестящий стерженёк. Нечто вроде короткой тупой иглы-хомутовки, только без ушка.

– Браслет даёт команду беспилотнику, и тот выпускает с воздуха по вашему обидчику такую вот штуковину.

– И?!

– Что «и»? Нападающий нейтрализован.

– А если промахнётся?

– М-м... – Виталий озадачился. – Вообще-то промах маловероятен. Видите ли, поначалу это была чисто военная разработка – испытана в Пакистане, так что...

– Ну а вдруг!

– Наверное, выстрелит ещё раз. Боезапас у него порядоч-

ный. Но вы-то в любом случае ничего не теряете! Ну, не работало там что-то, ну, промахнулся, ну, начистили вам, я извиняюсь, рыло... Вам бы его так и так начистили. А тут хоть небольшая, а зарплата! Опять же больничный...

— А если в подъезде нападут? — охваченный беспокойством, спросил Вдовин.

Виталий посмотрел на Александра. Тот развёл руками.

— Вы слишком многого от нас хотите, Никанор Матвеевич, — с упрёком молвил он. — Система предназначена исключительно для уличных разборок. В замкнутых помещениях вы уж как-нибудь сами себя поберегите...

— А вот ещё... — Вдовин запнулся. — Вы сказали: на казённые... А фирма-то, наверное, частная...

— Частная, — согласился тот. — Но богатая. Так что муниципалитет наш, считайте, куплен на корню, препятствий чинить не будет... Вас что-то ещё смущает? Спрашивайте-спрашивайте, не стесняйтесь...

Смущало ли Никанора Матвеевича что-нибудь ещё? Да, смущало, причём настолько сильно, что пришлось перед тем, как задать вопрос, прочистить горло глотком остывшего кофе.

— А что же они там... у себя, на Западе... — выдавил он. — Почему сами всё не испытали? Почему у нас?

После этих его слов Александр насупился, крикнул. Встал, подошёл к беспилотнику, с недовольным видом поправил один из четырёх пропеллеров, помолчал.

– Суки они там, на Западе, – не оборачиваясь бросил он в сердцах. – На своих-то испытывать – хлопот не оберёшься, а на наших – чего ж не испытать?

* * *

То, что Никанора Матвеевича хотели когда-то представить к медали «За отвагу», возможно, прозвучит анекдотически. Тем не менее это чистая правда. Произошло возгорание на складе боеприпасов, кинулись все врассыпную – и угораздило рядового Вдовина набежать напрямиком на страшного капитана Громыко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.